

A woman with blonde hair, wearing a blue strapless dress and a pink veil, is the central figure. She is surrounded by a magical, ethereal atmosphere of pink and blue light and sparkling particles. The background is a deep purple with a low-poly, crystalline texture.

МИР ФЭНТЕЗИ

Анна Муги

СИЛА
ИСТИННОЙ
КРОВИ

16+

Анна Мичи

Сила Истинной Крови

«Автор»

2021

Мичи А.

Сила Истинной Крови / А. Мичи — «Автор», 2021

Мой друг детства прошёлся штормом по нашим землям, убил моего учителя и моего брата. Теперь он у ворот нашего замка и требует меня себе в жёны. Сбежать? Согласиться и попытаться отомстить? Беда в том, что где-то в глубине сердца ещё тлеет уголёк прежних чувств. Испытывает ли он то же самое? Или я нужна ему только как пешка? А ещё со смертью брата что-то нечисто, и я обязана выяснить, что именно - в то время, как вокруг всё сильнее закручивается водоворот неясной угрозы.

© Мичи А., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	26
Глава 7	30
Глава 8	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Анна Мичи

Сила Истинной Крови

Глава 1

Камень под моей рукой поддавался медленно, неохотно. Древние, построенные ещё при ноллийских королях стены словно имели свою волю, сопротивляясь даже мне, потому что тех, кто их строил.

Я стиснула зубы, вливая силу. Слишком медленно, слишком поздно... Отец с матерью удалились уже с четверть часа назад. Пока я заставлю эти гисовы камни расступиться, они успеют обсудить всё, что хотели, и я ничего не услышу.

А мне просто жизненно необходимо знать, о чём они будут говорить. Уверена – о Гардах. И уверена – это имеет прямое отношение ко всем нам. Или даже ко мне конкретно. Уже слишком бледное было лицо у матери, и слишком виноватым – брошенный на меня мельком взгляд отца.

Неужели Гард узнал...

По коже скользнул холодок страха, тяжёлой ледяной змеёй свился в кишках. О-о, если он узнал и теперь требует мою жизнь в обмен на заключение договора... Страшно представить, что он тогда сделает со мной. Не погнушается самыми жуткими пытками, всё для того, чтобы отомстить. Ещё бы, ведь я лишила жизни его главнокомандующего, его самого близкого соратника, его друга.

А хотела убить – его самого. Хотела мести – чтобы убийца Ральда перестал существовать.

Странно, когда я решилась на это, тогда я не боялась. Наверное, во мне просто не осталось места для страха: был лишь океан неизбывной боли, отчаяния и желания, чтобы гисов Гард сдох. И когда я узнала, что ошиблась, и вместо Эйлера Гарда умер лишь его главнокомандующий, даже тогда единственное, что я почувствовала – это не страх, а гнев на небеса, позволившие убийце моего брата избежать возмездия.

А теперь... теперь, когда стало известно, что завтра Эйлер будет здесь – да, теперь мне страшно. Что если он знает? Что если сегодняшняя ночь – единственное, что отделяет меня от казни? Не только не отомстила, но и сама попалась... и отец с матерью вместе с сыном потеряют и дочь.

Но если он не знает... Я задохнулась, судорожно сжимая кулаки.

Если он не знает и будет так близко – в одном со мной замке, в одних стенах... Возможно, на этот раз у меня получится его убить?

Камень наконец расступился, и из тонкой щели послышались голоса.

– Ты хочешь отдать им Рисанну? – нервно спрашивала мать.

По позвоночнику прошла дрожь. Неужели я оказалась права, и Эйлер требует мою жизнь?

– Она подходит лучше всего, – ответил отец. – Рейтинна ещё слишком мала.

– Рейтинне уже тринадцать. Мы уже съели её гранатовый пирог, Гарды в своём праве. Я сама была немногим старше, когда выходила за тебя.

Гранатовый пирог Рейтинны? О чём они? Если Эйлер хочет мести, при чём здесь пирог, который готовят, когда девушка достигла возраста невесты?

– Нет, нет, – раздражённо сказал отец. – Она ещё ничего не соображает, Гарды быстро приберут её к рукам. Другое дело – Рисанна. Она достаточно взрослая, чтобы понять, в чём её долг. И выполнить его с честью.

Мне послышалась в этих словах затаённая угроза. Нахмурившись, я продолжала слушать.

– Но ведь это немыслимо, – продолжала мать. – Заложница! Риса будет заложницей?! Неужели ты вот так просто пожертвуешь дочерью? После того, как они отобрали у нас сына? – в голосе матери проскользнула глухая ненависть.

Я стиснула зубы, разделяя её чувства. Эта рана, кажется, никогда не перестанет болеть. Хотя прошло уже больше месяца с тех пор, как мы засыпали землёй навеки застывшее лицо Ральда – и всё равно, при каждом воспоминании, каждый раз – словно глухой удар в грудь, за которым приходит ослепляющая боль. Ральд, Ральд, Ральд... мой брат, мой близнец...

И то, что его убийцей стал Эйлер... какая ирония... какая насмешка.

Впрочем, с ним стало всё ясно уже тогда, когда Гарды вторглись на наши земли вопреки всем договорам. Хотя я всё же и подумать не могла, что однажды Эйлер поднимет руку на Ральда.

А теперь – они хотят взять меня в заложницы?

Тюрьма в замке Гардов?.. Не казнь, но немногим лучше. Вряд ли меня будут выпускать, чтобы я могла подсыпать яду наследнику Гардов...

– А что мне остаётся? – повысил голос отец. – Что? Никто не отвечает на мои письма, все затаились, как мыши в норах, трясутся за свои шкуры, от них не дождёшься ни помощи, ничего! Гарды слишком сильны, удивляюсь, что они раньше не пришли под наши стены! И сейчас, если они требуют одну из девиц Сенмайер в залог мирного договора, мне остаётся только выполнить это их требование. Иначе мою голову выставят на воротах, а уж что будет с вами, я и думать боюсь!

Мать промолчала, и отец тогда сказал уже тоном мягче:

– Не бойся. Не всё так плохо. Да, она будет заложницей, но не просто так. Младший Гард предлагает официальный брак. Он берёт её не как пленницу, не как трофей – вводит в свой дом как жену. Не за горами день, когда он станет главой рода, и нам лучше пока дружить с ними, чем воевать. Тем более что...

Отец продолжал говорить, но у меня в голове зашумело, и я перестала слышать его голос. Брак?.. Жена?.. Что за чушь? Эйлер хочет жениться на мне?

В груди помимо ненависти и отвращения вспыхнуло ещё что-то – обжигающее и трепетное, как огненный цветок. Неужели он считает, что имеет на меня какие-то права... что наше прошлое ему что-то позволит?! Помимо воли я почувствовала, как загорелись мои щёки.

Но тут же наступило отрезвление.

Нет, Эйлеру всё равно, на ком жениться. Недаром отец с матерью спорят, кого отдавать, меня или Рейтинну. Ему просто нужна дочь рода Сенмайер – чтобы родила ему сына, который унаследует наши земли.

В нашем роду больше нет мужчин, кроме отца, а они с матерью уже не молоды, у них вряд ли будут ещё дети. Значит, мой сын – или сын Рейтинны – станет наследником всего, что у нас есть. И как только он появится на свет – мой сын от Эйлера, – меня придушат, а отца тихо прирежут. Матушке и Рее – дорога в монастырь.

Вот и всё, легко и просто – и в глазах короля и всех вельмож Гарды по праву становятся владельцами земель Сенмайер.

Меня затрясло от холодной ненависти. Ох, он продумал всё! Не просто пограничная стычка, которых так много в наших краях, лорды вечно грызутся между собой – а полное поглощение. Сенмайер станет принадлежать Гардам, и через столетие все уже позабудут, что когда-то существовал наш род.

И мы не можем ничего сделать. Столица слишком далеко, король слаб и давно перестал интересоваться, чем занимаются вассалы на другом конце страны. Когда-то захудалый род, Гарды подмяли под себя почти всех окрестных вельмож, теперь все их боятся. Отец сам говорил – ни один соратник не откликается на призыв о помощи, никто не хочет перейти дорогу Гардам.

А мы, наивные, пока Гард накапливал силы, и в ус не дули. Верили в прежние договоры, верили в те ложные клятвы о дружбе.

Я сама верила Эйлеру, пусть даже он и перестал отвечать на мои письма. В глубине души всё равно царила уверенность, что он не повернётся против нас, не предаст всё, что между нами было. Пока не пришла весть о гибели брата... от руки того самого Эйлера!

Из щели в стене снова донеслось моё имя, и я напрягла слух.

– К тому же это обоюдоострый меч. Да, она будет заложницей, но в то же время – она станет нашими ушами и глазами. Мы будем знать всё, что происходит у Гардов, а это отличный шанс в нужный момент оказаться в нужном месте. Вот так-то... Поэтому, ты как знаешь, а завтра младший Гард со свитой будет здесь. Заключим договор, помолвку, и они увезут Рисанну с собой. Хорошо, что приданое уже готово...

– Да, только оно должно было отойти Ланвейсам, – не удержалась мать от насмешки.

– Да, только что-то Ланвейсы не поспешили прийти на помощь роду своей невесты! Вот пусть теперь и пожинают плоды.

– Хорошо, я всё поняла, мой господин, – холодно отозвалась мать. – Позвольте удалиться, необходимо отдать распоряжения на завтра.

Я отшатнулась от стены. Поспешно шевельнула рукой, зарывая щель.

Гарды завтра будут здесь... и да, моё поганое предчувствие сбылось – они и впрямь хотят меня, пусть не убить, а забрать якобы с честью, в залог мира между нашими семьями.

Ну уж нет. Я не стану женой Эйлера, ни за что. Покорно улыбаться, раздвигать ноги, рожать детей от убийцы брата? Да я скорее перегрызу ему горло на брачном ложе!

К тому же... Мало того, что он убийца Ральда, если он узнает, что тогда на Эмеранском холме была я... свадьба тут же сменится казнью. Впрочем, сама свадьба с Эйлером – казнь, хуже каких не придумаешь!

Я бросилась в свои комнаты.

Нет, Эйлер не получит меня на блюде, вместе с правом на наши земли. Когда завтра он явится, обнаружит, что драгоценная невеста исчезла. И тогда пусть они сколько угодно заключают союз на бумаге – без заложницы это ничего не значит. Союзы рушатся с такой же лёгкостью, с которой заключаются.

Глава 2

Я вовремя сообразила, что нельзя действовать сломя голову. Поначалу металась по своим покойам, как раненая тигрица, хваталась то за костюм для верховой езды, то за косу, стремясь тут же отрезать её под корень – потом успокоилась и стала размышлять трезво. И тут же поняла, что сбегать одна я могу сколько угодно – планам Эйлера это не мешает ни на сенту. Нет, бежать нужно только вместе с Рейтинной – так, чтобы у рода Сенмайер ни осталось ни одной незамужней девицы. Только тогда Эйлеру придётся отступить.

В комнаты к Рее я шла нарочито медленно, стараясь не выдать волнения. Сестра уже легла и при свечном свете слушала, как служанка, морща от старания лоб, едва ли не по слогам читает книгу.

При виде меня голубые глаза Реи широко распахнулись.

– Спасибо, Сани, – мягко сообщила я, недвусмысленно кивая на дверь. – На сегодня ты свободна, я сама почитаю Рее.

Служанка мгновенно подскочила и, сделав поклон, засеменила к двери. Я заняла её место и, в полной уверенности, что Сани попытается нас подслушать, некоторое время старательно читала вслух. Рея тарасила глаза, но молчала. Судя по возбуждению, проступавшему на её мордочке, сестрёнка понимала, что я пришла не просто так.

Наконец я отложила книгу и заговорщицким шёпотом сказала:

– Собирайся. Мы с тобой бежим из замка.

– Что?! – Рея аж подскочила на кровати. – Куда? Зачем?

Она явно была в восторге. Не дожидаясь ответа, отбросила покрывала и кинулась к шкафу. Я поспешила следом, пока неужённая сестрёнка не подняла на ноги весь замок.

– Тс-с, надо держать всё в тайне, иначе нас засекут.

Все наши служанки наушничают илирме Готтон, камеристке матери – а уж та решает, о чём и как доложить. Но если станет ясно, что мы с Рейтинной планируем побег, мешкать илирма Готтон не станет. Так что, постоянно напоминая Рее о том, чтобы вела себя тише, я помогла ей отобрать нужное. Только самое необходимое – в котомку, которая не слишком будет оттягивать плечи.

Я видела, что Рее всё это кажется больше забавной игрой, очередной затеей из рода наших с Ральдом, в которых она так рвалась участвовать и в которые мы её так неохотно брали. Теперь, когда Ральда нет, она явно решила, что займёт его место, и глаза сестры сияли, а губы норовили расплзтись в улыбке. Она даже не сильно интересовалась, в чём именно дело – впрочем, я постоянно шикала, так что завалить меня вопросами у неё шанса не было.

Через два часа, когда замок уже погрузился в сон, мы встретились у входа, откуда выпускали тайных гонцов. Я – в мужском наряде, позаимствованном у Ральда, она – в самом незаметном из своих костюмов для верховой езды.

– Ой, – сказала Рея, выглядывая из ниши, где мы прятались. – Там же охрана, что будем делать?

На повёрнутой в мою сторону мордашке сестры проступали разочарование и одновременно надежда – на то, что приключение не окажется таким коротким.

У входа и впрямь стояли навытяжку два бравых молодца из замковой охраны. Один помоложе, второй постарше, с тронутыми сединой усами, и пошире – обоих я знала в лицо, но имён не помнила.

В ответ на реплику сестры я только усмехнулась и приникла к стене, нащупывая нужные жилы.

Конечно, там стоит охрана. Всегда стояла. Но и я подготовилась.

Потребовалось немного: толика силы, толика желания и чуть-чуть времени. Стена отозвалась лёгкой вибрацией под моей ладонью.

А потом задрожал весь замок, по коридору пронёсся стон перекрытий, и в отдалении грохнуло так, что с потолка посыпалась пыль. Я отвернулась от сестры, приложила губы к камню и крикнула:

– Помогите!

Стена поглотила звук, чтобы мгновенно выдать его из совершенно другого места. Стоящие на часах воины переглянулись. Один кивнул, другой сорвался с места и помчался спасать попавшую в беду девушку.

– Кто-нибудь!.. Стража! – второй женский крик – опять мой, естественно – раздался с противоположной стороны. Голоса, конечно, похожие, но направление явно разное – и второй солдат хоть и помялся в растерянности, тоже бросил пост, бросаясь на помощь.

Я была уверена, что так и получится. Стража внутри замка – предосторожность исключительно формальная, больше для того, чтобы дети не шастали. Вот и оба воина решили, что будут нужнее в других местах. Тем не менее мешкать нам было нельзя.

– Давай! – я схватила сестру за руку и кинулась к двери. Скинуть засов, проскользнуть внутрь, захлопнуть дверь и поднатужиться, поднимая засов теперь уже магией. Вот так – к тому времени, как оба воина, не найдя пострадавших, вернутся, недоумевая, на пост, дверь будет по-прежнему на засове, а внутри замка – полное спокойствие.

Мы помчались вниз по наклонному ходу. Он был освещён редкими факелами – тускло, но и не заблудишься, дорога всего одна. Рея терпела, пока мы не отделились от двери на достаточное расстояние, потом дала волю восторгам:

– Ух ты! Вот это да! Ты такая смелая! Как нам повезло, что в замке что-то случилось! Откуда ты знала, что так и будет? Или подкупила служанок? Это они кричали?

Ох, она даже не поняла, что оба голоса, пусть и искажённых камнем, принадлежали мне. Впрочем, о том, на что я способна, знали только Ральд и Морвинус, мой учитель. И оба они погибли от рук Гардов.

Воспоминание стерло едва появившуюся на губах улыбку.

– Ещё далеко не всё, – предупредила я сестрёнку. – На выходе тоже стоит пост, и там уже так не получится.

– А что мы будем делать? – встревожилась Рея. – Мы скажем, что отец посылает нас с посланием, да?

Блестящая идея. Две девицы в мужских костюмах, донельзя похожие на дочерей графа Сенмайера, посреди ночи, без предупреждения, ломаются во внутреннюю дверь. Я только вздохнула и покачала головой.

Когда мы дошли до нужного места, я остановила сестру. По моим расчётам – да и по ощущениям тоже – мы уже спустились под землю. Энергия здесь текла куда привольнее. Моя вотчина.

Вот только то, что придётся сделать сейчас – самое сложное за сегодня. Потребуется всего напряжения и всех сил.

– Так, у тебя важное задание, – сказала я Рее.

Та выпрямилась и придала мордашке серьёзное и преданное выражение – хоть сейчас упадёт грудью на амбразуры.

– Ты идёшь и пытаешься подслушать разговоры стражников. Если услышишь, что они собираются делать обход, сразу беги ко мне. Только будь осторожнее, они ни в коем случае не должны тебя заметить. Близо не подходи, послушай и возвращайся.

Насколько я помню, у выхода тоже стоят двое, наблюдают за происходящим сквозь «око», магический прибор, сконструированный ещё предшественником Морвинуса. «Око» позволяет видеть то, что происходит снаружи, оставаясь незамеченным. Плавает вокруг тайного входа,

повинуясь желанию смотрящего. Если око увидит нас, сразу будет ясно, что мы сбежали, так что выходить через вход мы не будем, даже если бы удалось обмануть стражников. Не хочу, чтобы хоть одна живая душа в замке – или вне его – знала бы, как мы выбрались.

– А ты что будешь делать? – с любопытством спросила сестра.

– Отдохну немножко. Прости, умаялась, – я присела и показательно вытерла со лба несуществующий пот. – Иди, не медли.

Рея, бросив на меня сочувственный взгляд, пошла выполнять поручение.

Я тут же встала и приложила обе ладони к стене.

Многопудовая каменная мощь, толща земли за ней. Отклик пришёл сразу, да только вся эта толща была очень неповоротливой. Отзывалась медленно, так медленно, что казалось – копай я проход руками, и то получилось бы быстрее.

Прогоняя всякие мысли: например, что Рея от старания подслушать вывернулась прямо под нос стражникам, или что от усталости и сонливости заснула где-нибудь, и теперь её придётся тащить на себе, или что наверху поднялся переполох, и скоро дойдёт до тайного хода – я продолжала вливать магию.

Тут послышался быстрый топот сестры. Запыхавшись, она бросилась ко мне и громким шёпотом, мало чем отличавшимся от приглушённого визга, объявила:

– Они идут! Они идут!

Гис! Я удвоила усилия. Нам не повезло, попали как раз на обход. Я-то надеялась просто удалить Рею на время, чтобы не мешала мне колдовать. Похоже, те там, наверху, решили, что не помешает провести внеплановую проверку, особенно после того, как я устроила небольшой переполох. Бдительность прекрасна, но не тогда, когда это угрожает тем, что нас поймают – а там здравствуй, Эйлер и ненавистный брак!

Слава богам, пока я предавалась панике, руки и магия работали споро. Посыпались камни, открылся чёрный, пахнущий сырой землёй и червяками, зев прохода. Небольшой, только-только чтобы пролезть. Рея отвесила челюсть от удивления и испустила полузадушенный стон.

– Это как... это что... потайной ход? Ещё один? Откуда ты знала о нём?

– Тс-с, давай живее, – я сорвала со стены факел, вручила сестре и толкнула её в негостеприимный зев. – Вперёд!

Сама юркнула следом и, обернувшись, коснулась стен. Давайте, родные камушки, зарастайте скорее!

Камни передо мной пошли сужаться, но медленно, слишком медленно. Бряцанье оружие и тяжёлые шаги стражи слышались уже совсем близко. По вискам скатились холодные капли пота, я сжала зубы, преодолевая себя. Ну же, ещё чуть-чуть! Сила лилась на пределе, меня трясло от напряжения. По потолку и стенам уже метались отсветы от факелов стражи, а стена заросла ещё только до половины.

Если сейчас они будут тут, увидят дыру в стене, а в ней – моё отчаянное лицо! Здравствуйте, ваше сиятельство!

Последний безнадёжный рывок выпил все мои силы. Ноги подогнулись, и я бухнулась на влажную ледяную землю.

До конца я всё равно не успела, оставались довольно большие щели, и я замерла в страхе – а вдруг заметят? Но нет, тусклое освещение сыграло нам на руку. Да и стража явно не ожидала кого-нибудь тут увидеть: они лениво переругивались по поводу начальства наверху, готового гонять людей вверх-вниз, как только им что-нибудь примерещится. Шаги, запах кожи и табака, звон оружия – и стража прошла мимо, не подозревая, что за слоем щелястых камней прячутся две девушки.

– Риса? Что случилось? Почему ты не идёшь? – Рея, успевшая немного пройти вперёд, вернулась за мной.

– погоди, – я потянула её за руку. – Давай подождём чуть-чуть.

У меня наступил откат, я теперь не то что идти – дышала с трудом. Но Рее это объяснять не стоит. Чем меньше знает моя хорошенькая, но взбалмошная сестрёнка – тем спокойнее.

– Надо усыпить бдительность, да? – Рея с готовностью уселась рядом.

Впрочем, надолго её не хватило. Каких-то пять минут – и она снова вскочила.

– Идём! Нам же, наверное, нужно сбежать как можно дальше отсюда?

Чувствуя себя старой бабкой, я, пошатываясь, поднялась. Колени дрожали, во всём теле поселилась слабость, от внезапно нахлынувшего холода зубы отбивали чечётку. Хорошо, что до выхода отсюда было недалеко.

Последние несколько шагов пришлось проползти. Моих сил не хватило для того, чтобы создать ровный проход до самого конца, и мы с Рейтинной обе измазались в грязи, пробираясь сквозь узкое отверстие.

Свежий ветер продул насквозь, но, как ни странно, принёс облегчение. Над головой расстилалось чёрное бархатное небо, усеянное звёздами. Я присмотрелась: созвездие Пастуха висело как раз над северными башнями, это значит – сейчас около полуночи.

Что ж, самое сложное позади.

– Куда теперь? – возбуждённо спросила Рея. Конечно, для неё-то приключение только начиналось.

– Идём в деревню, нужно раздобыть лошадей.

Рея понятиливо кивнула, а я принялась выкапывать дёрн и заделывать дыру, из которой мы выбрались. Действовать приходилось руками, снова безбожно пачкаясь, но тут уж ничего не поделаешь. Магии во мне не осталось ни капли.

Впрочем, особенно я не старалась. Даже если кто-то и обнаружит проделанный нами ход, то в конце его всё равно упрётся в каменную стенку.

Рея желания помочь не проявляла, только нетерпеливо трусила по округе, явно торопясь продолжить путь.

Деревня почти вплотную примыкала к замку – собственно, выбравшись из хода, мы были буквально в двух шагах от неё, оставалось лишь пройти в ворота. Я заставила Рею подождать меня в рощице снаружи, а сама, нахлобучив поглубже шляпу Ральда, подражая его походке, вразвалочку направилась к хорошо знакомому дому кузнеца.

На меня смотрели, но не больше, чем обычно смотрят на впервые появившееся в деревне лицо. Посыльные тут бывали часто, совсем рядом проходил большой тракт. Конечно, если меня увидит кто-нибудь хорошо знакомый, наверняка узнает, но пока что ночь и закрывающая поллица шляпа играли свою роль.

Добравшись до ворот кузнеца, я осторожно заглянула внутрь. Надо не попасть на глаза самому кузнецу – вот он меня точно узнает. Искала я другого человека, который наверняка не откажется помочь. Время, конечно, довольно позднее, но тем и лучше. Даже если сам кузнец уже спит, тот, кто мне нужен, почти наверняка на ногах.

Я оказалась права, ждать пришлось недолго. Вскоре я увидела идущую со стороны дома высокую тощую фигуру с шапкой соломенных волос.

Глава 3

– Эй, Оллин, – я тихо свистнула.

Парень резко затормозил и повернулся. Умеренное удивление на его лице сменилось неумеренным, когда он узнал меня.

– Ваше сия...

Я шикнула, не давая ему докончить. Шагнула ближе, схватила за руку. В широкую мозолистую ладонь перекочевала серебряная монета.

– Две лошади, осёдланную и сменную. Второй комплект упряжи на всякий случай. И в дорогу собери чего-нибудь поесть.

– Как же вы... куда одни... мастер Ральд ведь...

Я поморщилась. Да, раньше мы с Ральдом безумствовали вместе, и именно этот долговязый Оллин, подмастерье кузнеца, всегда помогал нам обзавестись лошадьми, когда нужно было уйти незаметно. Теперь Ральда нет, и с точки зрения Оллина отпускать в ночь юную девицу одну – полное безумие. Но выбора нет, ни у меня, ни у него.

– Быстрее, Оллин, и не задавай вопросов. Так надо.

Парень пожевал нижнюю губу, меряя меня испытующим взглядом, но наконец кивнул.

– Подождите в сарае, госпожа. Буквально с четверть часа, и всё будет готово.

Я с облегчением ушла в густую тень. Присела на какую-то колоду и приготовилась ждать. Оллин не выдаст, он слишком дорожил нашей – ну пусть не дружбой, какая дружба между подмастерьем кузнеца и детьми графа – но хорошим отношением. Мне иногда казалось, он был немного влюблён в меня – иногда, когда я поддразнивала его, он заливался густой краской и виновато блеснул глазами.

Оллин не подвёл, появился, ведя в поводу двух рыженьких кобылок, одну под седлом и с поклажей, вторую – только обузданную. Я так и хотела: чтобы он не понял, что я не одна. Конечно, Оллин вряд ли нас выдаст, но мне так было спокойнее. К тому же, посыльный, потребовавший две лошади, осёдланную и сменную – дело привычное, кузнец, которому Оллина придётся отчитываться, не удивится. Двое посыльных – уже вызывает вопросы.

– Эту звать Ржанка, эту – Медаль, – у второй лошади и впрямь было белое пятно на груди, как медаль. – Вернуть можете в любую деревню дальше по тракту – ну да вы знаете. Только вы уж постройтесь там. Сами знаете, люди недобрые повсюду рыщут. Да и собаки Гардовские...

– Спасибо, Оллин, – с чувством сказала я, запрыгивая на осёдланную лошадь и принимая у него поводья другой. – Думаю, ты знаешь – никому не слова.

– Да уж как водится, – он кивнул, хотя озабоченность с его вытянутого веснушчатого лица не пропала. Молча довёл меня до деревенских ворот, а потом всё же не выдержал: – Куда ж вы одни, на ночь глядя? Али в замке что случилось?

– Не случилось, не беспокойся. Я ненадолго, съезжу по делам и вернусь.

Не знаю, поверил ли он мне, но к господам не пристают с вопросами. Я выехала за ворота, сопровождаемая его взглядом.

Рея уже заждалась. Кинулась навстречу, осыпая упрёками: и холодно, и страшно, и слишком долго меня не было, и вообще, что это за приключение такое, если нужно сидеть одной в темноте и дрожать от каждого шороха.

Я уступила ей Медаль, а сама быстро оседлала Ржанку. Переложив заботливо приготовленную нам снедь поровну на обеих лошадей – и через пару минут копыта уже резво стучали по натопанному полотну тракта.

Рея повеселела, глаза разгорелись, волосы выбились из-под шляпы и прыгали по плечам. Я озабоченно поглядывала на сестру. Сейчас, на тракте, всё хорошо, но долго так ехать я не собиралась. Пусть тракт – это безопасность, тут постоянно дежурят патрули, движение ожив-

лѐнное, даже ночью – ни к Ланвейсам, ни к Форкардам мы так не попадѐм. На границе наших земель стоят люди Гардов, и ехать по тракту означает, что в конце пути меня ждут горячие объятия навязанного жениха. Грамоты на проезд у нас нет, нас непременно задержат. А там уже два шага до того, чтобы выяснить, кто это у нас такой в мужском наряде с юной девицей в сопровождении.

Можно, конечно, наплести сказок, что мы с Реей – влюблѐнная парочка, спешащая в соседние земли, чтобы пожениться, но если встретим хотя бы одного человека, что знает нас в лицо... на этом и побегу конец.

Нет, с тракта придѐтся свернуть и добираться по лесу, по большой дуге избегая лагерь Гардов. Хорошо, что ночь довольно светлая, надеюсь, наши лошади не переломают себе ноги.

Когда я, выбрав момент, чтобы дорога была пуста с обеих сторон, сделала Рее знак удалиться в лес, сестрѐнка удивилась, но повиновалась. На её лице мелькнуло что-то похожее на предвкушение. Ну да, ещё бы – мирное путешествие по тракту мало похоже на приключение, то ли дело – ночной лес.

Мне же было не до предвкушений. Я осторожно вела нас вглубь, стараясь выбирать тропинки пошире.

Созвездие Пастуха поднялось уже довольно высоко, Ярмо и Устрица тоже светили изо всех сил, но по сравнению с трактом было темно, и скорость значительно убавилась. Я мучительно переживала, что лошадиная сбруя звенит на весь лес, привлекая к нам внимание недобрых людей. Хорошо ещё, что отец тщательно следит за безопасностью наших земель, особенно сейчас, после войны. Правда, это же чревато опасностью наткнуться на лесной патруль – этого хотелось бы избежать почти так же, как встречи с разбойниками.

Одно хорошо: я немного отдохнула и ко мне вернулась возможность колдовать. Даже если на кого наткнѐмся, оторваться сумеем: что-что, а для мага земли создать в лесу преграду из корней и сплетѐнных веток – дело несложное.

Слава Великой матери, мои опасения встретить кого-то не сбылись. Зато совершенно неожиданно проблема возникла совсем с другой стороны.

Рея начала скучать.

– А куда мы едем, Риса? Мы скоро приедем? Я уже устала и хочу спать, – долгий душе-раздирающий зевот подкрепил честность сестры.

– Скоро, потерпи ещё чуть-чуть.

До заброшенного домика лесника – там мы с Ральдом тоже ночевали не раз – оставалось и впрямь не так долго. Беда в том, что это совсем не конечный пункт нашего пути. Там мы переночуем, а едва рассветѐт – снова отправимся в путь.

Первая забота – лагерь Гардов. Надо выбраться за пределы земель Сенмайер так, чтобы не попасться на глаза ни людям Гардов, ни нашим. Окольными путями, через лес, прислушиваясь к каждому шороху. Может быть, придѐтся даже избавиться от лошадей – пусть простит меня Оллин.

Правда, это последний шаг – лошади нам очень пригодятся, когда мы снова попадѐм на тракт. Верхом мы быстро доберѐмся до Ланвейсов. Ну а если семья моего жениха и впрямь пойдѐт на попятную, возьмѐт обратно все обещания, тогда придѐтся ехать к Форкардам. Они всегда были нашими союзниками, а нынешний барон Форкард вообще женат на моей старшей сестре.

Ещё раз продумав весь план и представив вытянувшуюся физиономию Эйлера, когда он узнает, что обе птички упорхнули из клетки, я повеселела.

– Риса-а, – снова раздался тоскливый голос сестры. – Я устала и совсем ничего не вижу. И ещё мне холодно...

Она была права. В лесу нам пришлось умерить ход, и холод начал пробирать и меня. Пусть сейчас и поздняя весна, ночью температура опускалась значительно.

– Потерпи, ещё полчаса, – ответила я как могла ласково.

Солгала: даже по самым примерным прикидкам до домика лесника оставалось не меньше часа. Ничего, лучше сказать поменьше, а то Рея совсем разноеется.

Моя уловка помогла ненадолго. Минут через десять сестра стала жаловаться, что отбила себе всю попу, потом – что лошадь идёт неровно, потом – что седло натирает. Я отделялась короткими междометиями.

Если уж Рея начала капризничать, ничего не поделаешь, теперь не успокоится, пока ей не дадут отдохнуть. В глубине души я её понимала: мне тоже было холодно, тянуло в сон, дорога под ногами лошадей казалась непроглядно чёрной, а спина лошади – костлявой до невозможности.

Но наконец я стала узнавать местность. Тропинка, небольшой овраг, по дну которого течёт речушка, переброшенный через неё мост в виде плоской колоды. Засохшая ольха, белая на фоне тёмных зарослей, как обнажённая старуха, тянущая руки к небу. Ночной пейзаж делал всё каким-то зловещим, Рея притихла, с опаской поглядывая по сторонам, и даже мне стало слегка не по себе.

В этот момент как из-под земли раздался протяжный, полный муки и боли стон.

Рея аж взвизгнула, да и с меня слетел сон – всё-таки это было неожиданно. Лошадь нервно всхрапнула, и я похлопала её по шее, успокаивая. Стон послышался снова – ещё громче и пронзительнее.

– Риса! – крикнула Рея.

Я обернулась и увидела, что сестра повернула лошадь и, кажется, готова пуститься отсюда со всех ног. Куда только подевалась жажда приключений!

– Ты что, не слышишь? Там кого-то убивают! Бежим!

– Тс-с. Всё хорошо.

– Какое хорошо? – панически взвизгнула сестра, тыкая пальцем куда-то за мою спину. – Риса!

Я сразу поняла, о чём она. Между деревьев появилась движущаяся рывками белая тень. Женщина, на вид лет двадцати, в одной сорочке, с чёрными распущенными волосами. Пустые чёрные глаза, раскрытый рот, полный клыков. Именно с её губ слетали те ужасающие стоны.

– Тихо! – я перехватила поводья Медали как раз вовремя, чтобы рванувшаяся лошадь не унеслась прочь. Лошадь как раз не особенно испугалась, это Рея со всех сил дала ей шенкеля. – Рея, спокойно! Не кричи и закрой глаза.

Сестра смотрела на меня с ужасом, так, словно и у меня выросли клыки не хуже, чем у привидения. Но я держала крепко, и, кажется, вид у меня был достаточно уверенный, чтобы Рея судорожно кивнула и зажмурилась.

Я тронула с места Ржанку и осторожно потянула Медаль следом. Лошадь спокойно пошла, переступая копытами слежавшиеся листья. Черноволосый призрак, шатаясь и испуская стоны, прошёл в паре шагов от нас, словно не видя. Ещё с десятков шагов, мы разминулись – и она исчезла, а вместе с ней и душераздирающие стоны.

Мы въехали на защищённую территорию.

Эту защиту ставил ещё Ральд, а я ему помогала. Она пропускала только тех, чьи ауры вписаны в контур. Собственно, было таких немного, только Ральд и я сама – и те, кого мы проведём внутрь. Все остальные, если отваживались двигаться дальше, встречали всё больше призраков: насколько я помнила, после женщины в белом была старуха-утопленница, потом карлик с двумя торсами, а последним шёл кузнец без головы, зато с огромным топором, которым срубал молоденькие сосенки под корень. Сосенки, конечно же, были тоже иллюзорные.

Защита не особо мудрёная, учёного мага мы вряд ли провели бы, но этого нам и не нужно было. Хотелось защититься от всякого сброда, который мог наткнуться на заброшенную

избушку и захотеть прибрать её к рукам: бродяг, разбойников, контрабандистов, пусть вряд ли в лесу для контрабандистов было что-то привлекательное.

Рея бледная, зажмурившаяся, сидела на лошади, зажав уши руками. Бескровные губы быстро шевелились: она явно читала про себя все молитвы, которые только смогла вспомнить. Зато Медаль под ней была спокойной, что твоя дойная корова. Неудивительно – животным что клыкастый призрак, что кузнец без головы – куда сильнее они испугаются, скажем, внезапно вывернувшей сзади телеги.

– Ну-ну, всё уже хорошо, убедилась? Можешь открывать глаза.

Мне пришлось подъехать к Рее и похлопать её по плечу.

Сестра дёрнулась, снова рефлекторно взвизгнула и наконец открыла глаза. Обвела взглядом округу и, убедившись, что опасности больше нет, лягнула Медаль пятками, заставляя сходу взять в рысь.

Я нагнала её и как бы мимоходом обронила:

– Этот призрак часто тут является. Говорят, тут пару веков назад произошло кровавое убийство. Но он только стонет и ничего не делает, так что это безопасно.

– Могла бы и предупредить! – Рея бросила на меня обиженный взгляд.

– Прости, я совсем забыла про это. Обычно я сюда подъезжала с другой стороны.

Рассказывать про защиту Рее смысла не было. Таких проделок у нас с Ральдом насчитывалось десятками, и мне хотелось, чтобы они так нашей тайной и оставались. Посвящать кого-то другого словно значило предать память брата.

Домик лесника оказался именно там, где мне помнилось. Деревья расступились, открывая небольшую поляну, в центре которой возвышалось старое деревянное строение. К нему примыкала пристройка, тоже слегка покосившаяся от старости. Туда я завела лошадей, когда мы спешили.

Рея, всё ещё обиженная и недовольная, оставив лошадей на моё попечение, направилась прямо в дом. Я услышала, как она фыркает, обнаружив, что внутри отнюдь не роскошные хоромы. Усмехнулась, представив разочарованную мордашку сестры – но почти сразу усмешка пропала с моего лица.

В конюшне явно кто-то побывал. В кормушке были свежие остатки овса, в поилке, куда скапливалась дождевая вода, этой самой воды явно не доставало. Я нахмурилась.

Ральд приезжал сюда один, ещё когда был жив? Но я не слышала от него, чтобы он навещал дом лесника. Обычно Ральд не держал от меня тайн.

А если не он, тогда кто? Или наша защита не так хороша, как я о ней думала? Но до сих пор она не подводила, а поставили мы её – дай Мать памяти – не меньше пары лет назад.

Управившись с лошадьми, я пошла в дом, обеспокоенная и настороженная. Рея успела развести огонь в камине, благо дрова и огниво оказались рядом, и сидела на корточках, грея руки.

– Я спать хочу, – протянула она, завидев меня. – И есть.

– Поедим и ложимся, – мягко согласилась я, сама в это время настороженно осматривая помещение.

Вроде бы всё на месте, старая продавленная кровать, пара дырявых пледов на ней. Старый же колченогий стол, вырезанный Ральдом брусok дерева под одной из ног, чтобы стол не слишком качался. Зашарпанные окна без занавесок, зато со ставнями. Ставни были опущены – вот и хорошо, чтобы не слишком было заметно, что в доме кто-то есть.

Я подошла к столу и провела пальцем по столешнице. Хм, так и есть. Пыли было слишком мало, как будто кто-то не так давно прибрал здесь. Хотя прибрал – слишком громкое слово, скорее просто смахнул тряпкой или рукавом.

Камин тоже явно был вычищен, и скорее всего не Реей, иначе она бы уже изгвадалась в золе.

– Ты камин чистила?

Рея уставилась на меня с недоумением. Эта мысль явно не приходила ей в голову.

– Нет, просто бросила туда несколько поленьев. Он и так был чистый.

Закусив губу, я стала распаковывать приготовленную Оллином снедь. Доставала хлеб, мясо, сыр, завёрнутые в салатные листья плоды уммаша – и десерт, и восстановление сил – а сама размышляла совсем о другом.

Судя по количеству пыли, побывали здесь не позже, чем несколько дней назад. И был это не Ральд – мы уже похоронили его к тому времени.

А если не он, то кто тогда? Кто вообще мог знать об этой избушке?

Кроме меня и Ральда...

Только Эйлер.

Глава 4

В сердце словно вонзилась огромная тупая игла. Я сморщилась, невольно растирая грудь, как будто от этого поселившееся внутри колющее ощущение могло пройти.

Это было слишком давно, и я слишком долго пыталась обо всём позабыть. Но да, кроме нас двоих, об этом домике знал только Эйлер. Мы обнаружили его втроём, и некоторое время он был нашим тайным убежищем, тем более что находился на краю наших земель, рядом с землями Гардов, так что от нашего замка до него было примерно такое же расстояние, как и от замка Эйлера.

Эйлер... но зачем ему приезжать сюда, втайне, с ограниченной свитой или вовсе одному, на земли Сенмайеров? Неужели встречается с здесь со своими шпионами? Кто-то в замке или деревне докладывает Гардам, что у нас происходит?

Я невольно обернулась к закрытому ставнями окну, как будто боялась, что Эйлер со своими людьми уже въезжает на поляну. Потом заставила взять себя в руки. Нет, это не может быть Эйлер. Защиту ставили мы с Ральдом уже после того, как Эйлер пропал. Сомнительно, чтобы он – или кто-то другой – мог здесь обосноваться, даже если совсем ни гиса не боится. Ведь для этого надо быть совершенно глухим: ни спать, ни вести тайные переговоры здесь невозможно, призраки не дадут покоя.

Гис, да кто же здесь побывал? Может, и впрямь случайный гость, решил переночевать, да быстро удрал, когда понял, что призраки не унимаются?

В груди заныло – слишком яркими оказались внезапно нахлынувшие воспоминания. Тогда, пять лет назад, мы и понятия не имели, каким окажется наше будущее. Тогда мне не могла прийти и мысль, что когда-то мы с Гардами станем врагами, а Эйлер убьёт моего брата.

Я со злостью сжала зубы. Позвала Рею и занялась едой. Напитком стал забродивший сидр в бочонке, вытащенном из подпола. Но даже за едой в голове нет-нет да и мелькали непрошенные мысли и воспоминания.

Например, то же колечко, что я вытащила из шкатулки с драгоценностями, когда собирала вещи в побег – и запустила со всей злости в стенку, узнав. Тоненькое золотое кольцо, в самый раз для моих четырнадцати. Янтарная капля сверкает, переливается, как застывшее пламя, как будто капелька огня прижилась на тонком ободке.

Как я его любила – молиться была готова на него. Этот простенький подарок казался мне самым настоящим признанием, доказательством чувств Эйлера.

Глупая курица, Эйлер и думать забыл обо всём этом. Может, вообще от щедрот души отдал мне это колечко, когда какая-нибудь из его пассий отказалась брать – слишком незатейливое. Он ведь и тогда уже был взрослым, семнадцать лет. Конечно, только такая наивная мелочь, как я, могла представлять, что между нами что-то возможно.

Или те времена, когда мы, удрав из-под надзора, встречались здесь, в этом домике. Порой даже ночевали, причём Ральд и Эйлер любезно уступали мне королевское ложе – вот эту самую старую кровать. Парни спали на полу, подстелив под голову сёдла, а я, помнится, долго не могла заснуть, поглядывая на тёмную макушку Эйлера.

От воспоминаний рот совсем светло, сыр показался горьким. Я с усилием сглотнула, заставляя вставшую комом пищу пройти дальше по горлу. Рея уже привычно заканючила над ухом:

– Почему мы сюда приехали? Я не хочу тут спать! Тут... грязно и холодно! Неужели мы не могли где-нибудь в нормальном месте остановиться?

Я с трудом подавила желание огрызнуться. Какое ещё нормальное место? Это не путешествие на богомолье, это побег. Конечно, Рея предпочла бы ночевать в придорожной гостинице, но у меня не было денег, чтобы устраиваться со всеми удобствами. Конечно, в подкладке

камзола защиты несколько золотых, да и драгоценности можно будет продать или заложить, но пусть до Ланвейсов далёк, и тратить деньги на ерунду не хочется. Кроме того, две девицы явно дворянского вида, без сопровождения, пусть даже одна из них и одета как мужчина, неизбежно покажутся подозрительными.

Рея я ничего не стала говорить. Если она начала капризничать и жаловаться, ничего не поделаешь. Лучше всего оставить её в покое и дать отоспаться.

Я молча встала и убрала со стола то, что мы не доели. Аккуратно уложила в мешок: тут хватит ещё на завтрашнее утро, а может, и на обед. Оллин не поспешил, набил мешок под завязку.

Рея сидела, молча наблюдая за моими движениями, а потом протянула:

– Риса-а... Давай вернёмся. Мама будет беспокоиться. Лучше вернуться пораньше, тогда нам не так сильно достанется.

Час от часу не легче!

– Нам нельзя возвращаться, – сказала я быстро. – Ты же видела призрака. По ночам они становятся сильнее. Не знаю, что будет с тобой, если ты попробуешь выйти из дома.

Глаза у Реи стали огромными, в них затеплился явственный страх. Она взглянула на закрытое ставнями окно так, как будто ожидала, что в него вот-вот полезет утопленница.

– Надо дожидаться рассвета. С рассветом они исчезают. Тогда и уедем отсюда.

– Но мама, – пискнула сестра. – Она будет волноваться... – нижняя губа выпятилась, как будто Рея собиралась заплакать.

Я подавила вздох. Какая же она всё ещё маленькая. По-моему, я в тринадцать была куда самостоятельнее. Хотя... со мной всегда рядом был Ральд. Все проделки, решения, любое наказание – всё делилось на двоих.

– Она только утром поймёт, что нас нет, – мягко сказала я. – Давай ложиться. Раньше ляжем – раньше встанем. Вернёмся как раз к заутрене, скажем, что ездили проветриться.

Конечно, поутру назад в замок я не собиралась. Но я неплохо знала характер Реи. Сейчас она устала, напугана и растеряна, поэтому и капризничает. Утром, когда встанет солнце, и лес покажется не таким страшным, и силы вернутся. Её куда легче будет уговорить продолжать путь. На худой конец солгу, что мы едем в гости к Ланвейсам, а мама с отцом об этом знают.

Рея бросила взгляд на окно, поёжилась, потом вздохнула и поплелась к кровати. Развернула оба пледа, с недоверием исследовала их, потом всё же легла и накрылась. Снова громко вздохнула, но я отошла к камину, притворяясь, что ничего не слышу. Присела на корточки, грея руки у пламени.

Теперь надо подождать, пока Рея не уснёт. Меня тоже тянуло в сон, но нужно было кое-что проверить. Прислушиваясь к тихому сопению, разбавляемому треском поленьев в камине, я снова думала про Ральда... и гисова Эйлера.

В тот день пять лет назад мне и в голову не могло прийти, что я вижу его в последний раз. Мы распрощались, как всегда, Эйлер поскакал на север, во владения Гардов, мы с Ральдом – домой. Помнится, собирались встретиться на том же месте через пару дней – но Эйлер не явился.

А ещё через пару недель мы узнали, что Гарды заключили союз с кланом Варфейр и напали на своих западных соседей. Вместе с Варфейрами Гарды подчинили ещё несколько кланов. Не то чтобы это было неслыханно – у нас, на самом краю страны, постоянно воевали, то один клан, то другой. Но никому до сих пор не сопутствовала настолько сильная удача. Гарды с Вайфейрами отхватывали всё новые и новые земли, вызывая трепет у окрестных баронов.

Конечно, не всем это пришлось по нраву, появились и враждебные Гардам союзы. Например, те же Форкарды и Ланвейсы – отец выдал сестру за лорда Форкарда, и задумал выдать меня замуж за Мейтина, наследника Ланвейсов, как раз для того, чтобы укрепить наши связи. Чтобы за спиной был щит, если Гарды вздумают обратить на нас внимание – чего можно было

ожидать в любой миг. Удивительно было, что Гарды до сих пор не решили присоединить к своим землям наши.

Но в то время я об этом не думала. Напротив, с нетерпением добывала обрывки информации и упивалась рассказами о подвигах Эйлера. Пока не стало известно, что подвиги Эйлер совершает не только на воинском поле – но и на поле любовных сражений тоже. Слухи о девушках, которых он обрюхатил, дошли даже до нашего замка – и если до этого Ральд пытался утешать меня и говорить, что Эйлер по-прежнему думает обо мне, то потом уже и ему оставалось только пожимать плечами.

Видимо, именно поэтому Эйлер перестал отвечать на мои письма – зачем ему наивная четырнадцатилетняя дурёха, которую даже просто так в постель не затащишь? Когда к твоим услугам любая деревенская девушка, только пальцем помани. Кто откажет наследнику рода Гардов, с лихвой доказавшему военную доблесть?

Ох... Я с силой сжала пальцы. Гисов Эйлер... уверена, Ральд тоже верил ему, невзирая ни на что. Просто потому, что немыслимо было, чтобы он предал нашу дружбу. И даже когда Эйлер взял Ральда в плен, уверена, Ральду и в голову не могла прийти мысль, что бывший друг убьёт его.

Неужели Эйлер и впрямь сделал это ради того, чтобы завладеть нашими землями? Неужели и впрямь ни в сенту не ставил прошлые клятвы?

Конечно, так случается часто, жажда наживы превозмогает всё. Тем более что на кону стоит целое графство. И так уже многие кланы признали превосходство Гардов, на поле боя им и впрямь благоволит Воин. Неудивительно, что в конце концов Гарды обратили внимание на южных соседей.

Ральд... В памяти встали его застывшее навсегда лицо и развороченная грудь. Грудь, из которой вырезано сердце. Какой жуткий способ убийства – откровенное унижение, осквернение, желание, чтобы Ральд не только умер, но чтобы и дух его не нашёл покоя. За что, когда успел Эйлер так сильно возненавидеть моего брата?

Те из наших, кто был рядом и кого отпустили потом, чтобы они доставили домой тело, утверждали, что Эйлер не сразу решил убить Ральда. После того как он взял его в плен, некоторое время они провели вместе – и говорили, что общались они пусть и как враги, но без ненависти, с уважением друг к другу. А потом Эйлер взял Ральда на прогулку. И с этой прогулки брат уже не вернулся.

Не знаю, что произошло между ними, зачем Эйлеру понадобилось убивать брата таким зверским способом, какие чувства руководили им в этот момент... не знаю и, наверное, не хочу знать. Знаю одно: никогда его не прощу.

Впрочем, ему и не нужно моё прощение. Всё, что ему от меня сейчас нужно – это чтобы я родила сына и не лезла в его дела. Тогда, возможно, он сохранит мне жизнь подольше.

Или сразу возьмёт в жёны Рею.

Я глянула на кровать и убедилась, что сестра крепко спит. Нахмуренное лицо разгладилось, щёки порозовели, сейчас она выглядела даже младше своих тринадцати.

Что ж, кажется, пора.

Глава 5

Я поменяла позу, садясь на колени, и провела рукой по тёплой от огня металлической плите перед камином.

Тайник был именно тут.

Делал его Ральд, а зачаровывал кровью нашего рода. Если точнее, то своей и моей – больше никто открыть его не мог. Я помогала ему – в основном только вливанием силы, потому что своей магии у Ральда почти не было. Зато были знания.

После того как мой дар проснулся, Ральд очень долго пытался разбудить свой. И я, и Морвинус пытались помочь ему, но ничего не выходило. Наконец однажды брат с кривой улыбкой заявил, что кому-то дано, а кому-то нет, и попросил нас больше не заговаривать с ним о магии.

Взамен он решил, что займётся теорией, раз для практики его сил слишком мало. Выписывал книги откуда только мог, сам ездил за ними, пока не началась война, побывал в библиотеках всех окрестных лордов. И когда понял, что можно соединить его знания и мою силу – тогда изменилось всё.

Я же была слишком занята тем, чтобы овладеть своими возможностями. Тонкая техника мне не давалась. Чаще всего я действовала по наитию – земля, камни, природа – всё само откликалось мне. Подаренная богами мощь бурлила и изливалась.

Морвинус часто говорил, что я похожа на таран или катапульту. Ральд же был скорее искусный инженер при такой катапульте, умело используя мои возможности. И, как он не мог почти ничего без меня, так и я без его знаний могла лишь действовать грубой силой.

Теперь, когда Ральда нет, я без него что телега без лошади...

Мысль была внезапной и очень болезненной. Ральд, когда же я смогу привыкнуть жить без тебя?

Смахнув навернувшиеся слёзы, я поискала среди поленьев, сложенных рядом с камином, хорошую острую щепку. Зацепила её и быстро, пока не испугалась боли, ткнула себя в палец. На кончике пальца мгновенно набухла алая капля, и я, поморщившись от неприятных ощущений, коснулась кровавой капелькой железной плиты перед камином.

– Да отверзется утроба бездонная... – тихо пробормотала строку из Священного Писания, что оставила нам Великая Матерь.

Помнится, Ральду показалось остроумным завязать открытие тайника на фразу, которую при любых других обстоятельствах вряд ли можно было от кого-нибудь из нас услышать. Ведь ни он, ни я не проявляли особого интереса к обрядам Великой Матери. Я больше поклонялась Аине, богине плодородия, Ральд уважал бога знаний Ильмира. Наверное, наши домашние удивились бы одному факту, что мы знаем эту фразу.

Повинуясь заклинанию и силе крови, в железной, до этого казавшейся монолитной плите появились тонкие линии, засияли, наливаясь магией. Тихий щелчок – и передо мной открылся тёмный зев.

На первый взгляд показалось, что внутри ничего нет. Потом зрение выхватило очертания тёмного на тёмном, и я осторожно протянула руку, чтобы коснуться бархатной ткани небольшого мешочка. Вытащила его на свет от камина.

Тёмно-синяя ткань, горловина тесно затянута, но больше никаких дополнительных чар, похоже, нет. Видимо, Ральд посчитал, что защиты самого тайника будет достаточно.

Тесёмки подались с лёгкостью. Я вытряхнула на ладонь содержимое. Сдвинула брови, с удивлением рассматривая выпавшее.

Всего в мешочке оказались три вещи. Первым выкатилось тёмно-голубое яйцо, словно высеченное из камня грубыми ударами резца. Оно было матовым, непрозрачным, довольно

тяжёлым. На ощупь прохладным, но не настолько, как настоящий камень. От него веяло как будто какой-то магией, но что это – я не имела ни малейшего понятия.

Вторым в мешочке оказался янтарный кулон на длинной серебряной цепочке. Украшение скорее женское, хотя и мужчина может носить. Вроде бы ничего особенного – внутри лишь пара то ли лепестков, то ли крылышек древнего насекомого – такую безделушку можно купить недорого на любом рынке, где торгуют купцы из Мерве.

Последней в мешочке была книга. Она зацепилась уголком за ткань, и мне пришлось тряхнуть мешочек, прежде чем она выпала.

Это был молитвенник. Небольшой, с ладонь размером, в кожаной обложке со знаком Великой Матери. Я пролистала его ради интереса, но ничего, кроме молитв, не обнаружила. Ни вложенной записки, ни пометок на полях, ни тайника в самой книге, когда в середине вырезают страницы и что-то прячут в образовавшемся ящичке.

Я сложила находки на каминную плиту перед собой. Странно...

Каменное яйцо, украшение и молитвенник. И если украшению я ещё могла найти смысл – может, у Ральда была любимая девушка, которой он хотел подарить кулон и просто не успел – то остальные вещи оставались загадкой.

И зачем Ральду понадобилось это прятать? Причём втайне от меня. И когда? Незадолго до своей смерти?

Молитвенник? Я бы ещё поняла, если бы это был сборник молитв Ильмиру, но Великой Матери? Да и вообще – Ральд не особо уважал формализм и ритуалы, которым люди следуют только из-за привычки. Религиозность он относил к таким же вещам, и уж точно не стал бы с благоговением прятать молитвенник – если в этом не было какого-то другого, неясного для меня смысла.

О каменном яйце и упоминать нечего. У меня не было ни единой догадки.

Что ж, не знаю, зачем он спрятал эти вещи, но, пожалуй, заберу их с собой. Брат за ними уже не вернётся, так пусть у меня будет хоть что-то, что осталось от него и явно представляло для него какую-то ценность. Может, со временем я пойму что-нибудь.

Закрыв тайник и хорошенько спрятав добычу в свою сумку, я пристроилась рядом с Реей. Загадка найденного ещё некоторое время не давала мне покоя, но усталость, тепло и тишина сделали своё дело, и я уплыла в сон.

Проснувшись я с ощущением, что произошло что-то непоправимое. Подскочила, обводя взглядом комнату: потухший камин, пустой стол, полумрак, и лишь сквозь щели ставней пробивается тусклый рассвет. И кровать, где рядом со мной должна было мирно сопеть Рея – но её половина совершенно пуста. Сердце тревожно заныло.

– Рея! – крикнула я, отбрасывая плед и вскакивая на ноги.

Голову пронзила тупая боль – сказался недосып. Ещё бы, ведь, судя по всему, я спала не больше трёх-четырёх часов.

– Рея!

Поспешно обувшись, я выскочила на улицу. Первым делом – в конюшню. Я ещё надеялась, что сестра где-то рядом – захотела умыться или потянуло сходить в туалет, но первый же взгляд на пустое стойло, где накануне стояла Медаль, мгновенно лишил меня всех пустых надежд.

Удрала.

Удрала, поганка, решила вернуться в замок, соскучилась по тёплым покоем, по ласковым рукам служанок, по сытной спокойной жизни. Ненадолго же хватило её жажды приключений! Первая же ночёвка в лесу – и моя маленькая сестрёнка подняла лапки.

Я метнулась в дом. Быстро схватила сумки – Рея не стала утруждать себя поклажей, и обе сумки были на месте, – так же быстро оседлала и навьючила лошадь. Быстро – но всё

равно слишком медленно. Не знаю, когда именно негодяйка умчалась, её лошадь без груза пойдёт легко, наверное, и мне стоило бы оставить поклажу... Ничего, использую магию, хоть немного, но я отдохнула, силы вернулись. А если Рея уже далеко, то и возвращаться сюда смысла, возможно, уже не будет.

Я пришпорила Ржанку во всю мощь. Земля стелилась под копыта, гулкие удары отзывались по всему телу, натруженные вчера мышцы сразу заныли, протестуя.

Было ясно, в каком направлении Рея помчалась – тропа здесь всего одна. Но потом эта тропа стала уводить к большой дороге – и почему-то здесь Рея, словно решила скостить путь, направила лошадь в сторону. Правда, сторона эта была совсем не той, которая нужна, если хочешь выбраться к замку Сенмайер.

Что ж, отлично, это мне на руку. Чем позднее Рея сообразит, что ошиблась, тем больше шанс, что я успею её перехватить.

Я стегнула Ржанку по крупу, прибавляя ей скорости.

Ничего, сестра здесь, где-то рядом. Она вряд ли надолго меня опередила – вставать рано Рея не любила, скорее всего, проснулась самое большое за час или даже за полчаса до меня. Да и страшно наверняка ей было выехать раньше – я же сказала, что призраки отступают только с рассветом.

И точно – через какое-то время я уловила её присутствие. Пока ещё где-то далеко впереди меня, как слабое ощущение чего-то чужого лесу, несущегося напролом там, где достаточно попросить. Конечно, достаточно только тому, в ком есть нужный дар.

Некоторое время мы с Реей мчались наперегонки. Я всё сильнее чувствовала, как она скачет впереди меня. На моей стороне была моя сила, сама стихия леса, и я взывала к ней, натягивая её, словно нить. Вот здесь, всё верно. Глубокие, чёткие отпечатки копыт на земле, заломленные ветви, потоптанные, не успевшие подняться кустики черники. Сбитый копытом мох с дерева, испуганно замолчавшие птицы. Кажется, я уже нагоняю...

И тут я начала чувствовать что-то не то. Небо вместо того чтобы светлеть, налилось сизой свинцовой тяжестью. Двигаться стало сложнее, словно копыта лошади вязли в земле – хотя дождя накануне не было, разве что выпала роса. Похолодало, и вспотевшее в скачке тело словно окунуло в ледяную воду.

В следующий миг я поняла, в чём дело, и из холода меня бросило в жар.

Рея не только перепутала направление. Она перепутала направление в худшем из возможных вариантов. Ведь она же мчится к Сорено. Вернее, к тому, что от него осталось после последней битвы Гардов и Сенмайеров – к побоищу, ставшему нашим поражением.

Мы тогда уже знали, что Ральд мёртв, и это было самой последней, отчаянной попыткой вырвать победу. Но Гарды превосходили нас не только силами, но и тактикой. Они словно знали заранее, где и как мы расставим свои войска. Там полегли все маги, все наши офицеры, множество простых воинов. Не совсем зря, конечно – все они забрали не по одной душе противника.

В общем, сейчас на месте Сорено болото, наполненное ненавистью, болью и желанием отомстить. Столько магии было влито, столько человек погибло, что всё это просто не могло уйти в никуда. Не говоря уже о тех существах, что любят полакомиться человечиною, неважно, мертва она или ещё дышит.

А Рея мчится туда чуть ли не в самую середину.

– О гис... – простонала я и ударила каблуками по бокам Ржанки. Лошадь негодующе всхрапнула, но прибавила хода. – Быстрее! Давай, хорошая моя!

Надо перехватить Рею, пока не стало слишком поздно!

Хоть я и торопила лошадь, она, похоже, чувствовала неладное и невольно умеряла шаг. Вокруг всё заливала могильная серая дымка, болотная влажность оседала в лёгких. Над ухом

звенели комары, но кроме этого звука не было слышно ничего, словно здесь нет и никогда не было ни одной живой души. И пахло – пахло чем-то омерзительным: гнилью, плесенью, каким-то гадким кислым душком.

Неужели Рея этого не чувствует? Ведь любой здравомыслящий человек уже раз двадцать повернул бы назад. Или она уже... не может этого сделать?..

И тут откуда-то спереди донёсся крик:

– Помогите!

– Рея! – я пришпорила Ржанку.

– Риса! – голос наполнился надеждой. – Риса-а! – а вот во второй раз прозвучало отчаяние.

Она что-то увидела или почувствовала. Я спрыгнула с лошади, на скорую руку обвязала поводья вокруг небольшой сосенки. Ржанка хрипела, мотала головой, пяtilась и била копытами, будто чувствуя неладное.

– Потерпи, хорошая!

Я похлопала её по шее и бросилась в лес. Крикнула ещё раз, чтобы хотя бы по звуку определить направление.

В ответ тишина – а потом визг. Безумный, страшный, на одной ноте – словно Рея увидела свою смерть.

Я выхватила кинжал из ножен, как будто этим кинжалом можно было убить по-настоящему сильного противника. Нет, я и сама сознавала это – просто наличие хоть какого-то оружия придавало чуть больше спокойствия.

Ничего, Рисанна, у тебя есть магия.

Только тут полно другой магии. Чужой, переродившейся, хищной. Высасывающей все соки, зовущей в глубину. Именно на эту удочку Рея и попала. Ненасытное болото продолжало требовать жертв, питалось чужими жизнями. В моих ушах тоже звенели зовущие голоса, то требовательные, то манящие. Вот так и сбиваются с дороги люди, подвластные чужим чарам...

Я мотнула головой, чтобы избавиться от наваждения. Где Рея? Визг слышался совсем рядом, но так внезапно оборвался, словно...

Я не хотела додумывать эту мысль. Просто метнулась вперёд – и наконец увидела Рею.

И чудовище в десяти шагах от неё.

Больше всего это походило на ожившую кочку. Если только кочка могла бы вырасти в два человеческих роста, обзавестись глазами, рассеянными по ней в полном беспорядке, огромным ртом, похожим на провал в земле, и многочисленными человеческими конечностями, торчавшими из неё тут и там. Ещё она воняла – это был какой-то глубокий запах болотной гнилости, разложившейся плоти и железистого привкуса крови. Воняла так сильно, что я невольно зажала нос в попытке хоть ненадолго спастись от запаха.

Рея стояла в болоте, уйдя почти по самые бёдра. Убежать она не могла, лишь завязла бы ещё сильнее. А между ней и чудовищем было безжизненное тело Медали. От развороченного брюха лошади поднимался пар.

Вот почему глыба не торопится наброситься на Рею. Решила сперва попить чем-то посытнее, чем тощая тринадцатилетняя девчонка. Что ж, это мне на руку, но... Великая Мать, что же мне делать? Как сражаться – с вот этим вот?

Разум паниковал, а тело действовало. Я наклонилась, прижала руку к ненадёжной болотной почве. Собрала все силы, старательно пытаюсь не поддаться враждебным излучениям, вылуцивая крохи нужной мне энергии среди отвратительной жижи болота. Миазмы дурманили, кружили голову, путали мысли. Болото изо всех сил пыталось расступиться подо мной, засосать, но чары связали почву в подобие плетеной колыбели.

Так, а теперь... Я распрямилась, расправила плечи и постаралась выглядеть увереннее.

– Уходи, – сказала твёрдо, буравя взглядом многочисленные белёсые глаза твари. – Уходи, пока я тебя не уничтожила.

Чудовище глухо заворчалю. В этом ворчании предугадывалось: это ты не мешай мне, не пытайся отбить добычу, и я отпущу тебя живой. Но такой вариант мне не подходил. Под добычей явно подразумевалась и Рея тоже.

Я послала импульс по зыбкой почве. Болото нехотя вздрогнуло, качнув тварь, на что та лишь сильнее приникла к земле. Гис! Я удвоила усилия. По виску скользнула капля пота. Ох, если бы только здесь не было так много враждебной магии! Всей этой боли и смерти.

А тварь чувствует себя здесь как дома. Хотя она и есть дома – она порождение этого самого болота. Сотворена из тел павших – и руки, и глаза, в полном беспорядке рассеянные по ней, словно какой-то жестокий творец просто слепил ком из человеческих останков.

И тут она прыгнула.

Я резко выдохнула, вкладывая себя всю в чёткий резкий приказ. Ушли страх и сомнения, осталась лишь голая стальная воля. Уверенность в том, что я делаю.

Стихийная магия не прощает неуверенности, это мне хорошо вбили в голову.

Из почвы выломались длинные плети корней. Стегнули по земле, опутывая чудовище, привязывая его к земле, перетягивая тянущиеся ко мне бледные человеческие руки. Хлестнувшая в рост трава стала жёсткими оковами. Чудовище забилося, завывало, заскребло чужими опухшими пальцами, пытаясь содрать с себя путы.

Я перевела дыхание, отдавая новый приказ. Вибрирующий вой пронзал всё тело, мешал сосредоточиться. Густая вонь ненависти, бессильной ярости, желание убить – словно само болото вскипало в этой безумной жажде уничтожения.

Покровительница моя, святая Аина, не оставь!

Хлынувшая по жилам магия чуть не заставила меня застонать вслух. Кажется, я никогда так не выкладывалась... даже на Эмеранском холме. И тогда было куда легче – я наблюдала за всем издалека...

Сейчас воющая и хрипящая смерть была в трёх шагах. Я не жалела и не боялась. Я вся словно слилась с болотом в единое желание – уничтожить. Росточек, семечко, упавшее на почву в незапамятные времена, питаюсь моей магией, окрепло, пустило корни, вытянулось в острый берёзовый кол. Чудовище взвыло, когда белый ствол пронзил его насквозь, распуская ветви, прорастая через отвратительную плоть.

Я рухнула на колени рядом с Реей. Вся в грязи, но сейчас не до этого. Сейчас нужно вытащить сестрёнку. Чудовище ещё выло и рвалось, но агония постепенно затихала. Из последних сил, буквально разматывая себя по пяди, я заставила жадную почву вокруг сестры расступиться.

– Рея! – затрясла её за плечи. – Рея!

Пощёчина, потом ещё одна. Надо скорее убираться отсюда.

Болото тряслось и дрожало, словно желе, и от этого недобрые предчувствия во мне становились сильнее.

И тут сзади раздался исступлённый, полный ярости и голода, вопль. Сердце ушло куда-то в пятки, и я поняла, в чём дело, ещё до того, как обернулась.

Ну конечно же. Кто сказал, что тварь, которую я убила, здесь одна? О нет, один гис знает, сколько их кишит в глубине болота и сколько уже тянется наверх, к такому тёплому и привлекательному свежему мясу.

Вторая тварь не стала отвлекаться ни на труп первой, ни на кобылу с развороченным брюхом. Метнулась прямиком ко мне – и я поняла, что вижу свою смерть. Сил осталось буквально на то, чтобы почва расступилась под ногами твари – но этого она словно и не заметила. Взвилась в воздух, оглашая окрестности торжествующим воплем.

Не знаю, почему я не закрыла глаза. Наверное, было бы логичнее всего зажмуриться, чтобы хотя бы не видеть, как она будет меня терзать. Но я смотрела вовсю – и увидела, как между мной и тварью вылетает тёмная фигура с обнажённым мечом в руке. Зеркальный блеск клинка – и мощный удар сотряс болотные зыби, полоснув чудовище по тому, что заменяло ему грудь.

Тварь попятилась, болезненно взвизгнула. Но вместо того чтобы упасть неряшливой грудой или хотя бы отступить, кинулась на нового врага.

Я в ошеломлении наблюдала, как незнакомый мужчина – а это точно был мужчина, крупная фигура в боевом облачении – сражается. Кто он? Как здесь оказался – да ещё так вовремя? И почему один?

Рядом послышался слабый голос:

– Риса?.. Кто это?

Слава тебе, Великая Мать, Рея пришла в себя! Я обернулась к ней:

– Встать можешь?

Болото содрогнулось от топота ног. Воздух наполнился бряцанием оружия и криками:

– Лорд! Лорд!

Из леса показался боевой отряд. Небольшой, навскидку человек пять или шесть, все с мечами наголо, одеты в доспехи, кольчуги звенят, болотистая почва, хоть я и укрепила её, едва выдерживает их вес.

Рея вцепилась в меня, я обняла её, наблюдая, как отряд вступает в схватку. Но участь чудовища уже была решена – показавшийся первым мужчина, перехватив рукоять меча обеими руками, рассёк его надвое. Выдохнул, с силой выдёргивая меч из гнилых внутренностей, и обернулся. Смерил взглядом нас с Реей.

Соратники что-то говорили ему, кажется, упрекали за то, что бросился первым, что не стал ждать. Но он не слушал – и я тоже не особенно слышала, что говорят, потому что неизвестный вдруг снял шлем, растрёпывая чёрные волосы.

Рея восхищённо вздохнула. Я судорожно сглотнула, воздух вдруг перестал проходить в лёгкие.

Глаза как два кинжала, чёрные, с проблеском аметиста – слишком хорошо знакомые мне глаза на изменившемся безвозвратно лице.

Я помнила его едва начавшим взрослеть юношей, тогда ему было семнадцать. Сейчас ему двадцать два – и от прошлого остались разве что эти пронзительные глаза. Остальное – и тёмная щетина, обрамляющая лицо, и рост, и ширина плеч – словно принадлежали кому-то иному, совсем неизвестному.

Эйлер.

Эйлер Гард, убийца моего брата, бывший друг и... предатель, лжец, самый ненавистный враг. Здесь, смотрит на меня сверху вниз, буравит насквозь своими проклятыми чёрными глазами.

И эти люди, гис... здесь так темно, и я не заметила того, что должна была заметить сразу – они все в цветах Гардов. Это отряд Гардов – и мы попали напрямиком им в руки. О боги, может, они хотя бы нас не узнают?

– Ты?... – выдохнул Эйлер, и мои надежды обрушились со стеклянным звоном.

Глава 6

Его не обманул ни мой маскарад, ни грязь, в которой я изгваздалась по самую макушку. Узнал – хотя мы не виделись почти пять лет, хотя я тоже должна была измениться, вырасти ещё как, ведь тогда мне было четырнадцать, а сейчас уже девятнадцать.

Эйлер смотрел на меня так, что мне стало жарко. В его взгляде перемешивались самые разные эмоции. Неверие, удивление, грусть, ярость – то ли не остывшая ещё от схватки с чудовищем, то ли что-то иное, направленное именно на меня.

Он протянул руку, которую я проигнорировала. Зато совершенно неожиданно рядом поднялась другая рука – тонкая и слабая ручка моей тринадцатилетней сестры.

Я чуть было не прикрикнула на неё – так это было неуместно.

Эйлер явно удивился, но помог сестре встать. Я поднялась сама. Ноги дрожали, тело с трудом повиновалось, а в голове было как шаром покати. Что нам теперь делать? Медаль мертва, но даже если бы она и осталась в живых, вряд ли Гарды дадут нам сбежать. Какое там, когда в руки попала такая добыча.

– Живее, надо убираться отсюда, – отрывисто скомандовал Эйлер и, не дожидаясь ответа, первым пошёл прочь.

Его люди окружили нас, и нам с Реей не оставалось ничего другого, кроме как повиноваться. Рея едва ковыляла, опираясь на ближайшего к ней воина, кто-то ещё хотел поддержать меня, но я так резко отшатнулась прочь, что тот поднял руки, как будто хотел показать, что безопасен. Больше ко мне никто не приближался.

На краю болота стояли лошади Гардов. Хорошо выученные боевые кони – они, в отличие от моей Ржанки, не храпели и не выкатывали глаза от ужаса. И ведь даже не были привязаны, поводья свободно мотались по земле.

А впереди всех был огромный гнедой – зверюга под стать тем, что на болоте. Мощная грудная клетка, копыта – голову человеку размозжит и не заметит. Судя по стати, жеребец, но заходить сбоку и заглядывать под брюхо, чтобы это проверить, я не стала.

Я даже не удивилась, когда конь, увидев Эйлера, приветственно всхрапнул, сделал шаг вперёд и уткнулся носом в протянутую навстречу ладонь. Конечно, кто ещё может на таком ездить, как не лорд.

Похлопывая животное по шее, Эйлер обернулся ко мне.

– Что вы делали здесь, на болотах? И кто это с тобой?

Я не собиралась отвечать, но Рея спутала все мои планы. Присела в книксене, придерживая пальчиками заляпанную грязью узкую юбку.

– Рейтинна Сенмайер, младшая дочь графа Сенмайера, – представилась она по всем правилам.

Я скрипнула зубами, а Эйлер едва подавил усмешку. Я дёрнула сестру за руку:

– Прекрати!

Она что, не соображает, кто перед ней?

– Запасной лошади у нас нет, так что кому-то из вас придётся ехать со мной, – он посмотрел на меня так, словно собирался предоставить эту сомнительную честь мне.

Я вспыхнула, но прежде чем успела отказаться, прозвенел восторженный голосок Реи:

– Позвольте мне!

Великая Мать, час от часу не легче! Стыд за сестру, злость на Эйлера, ставившего нас в такое двусмысленное положение, понимание, что выбора нет – всё сливалось в жгучее месиво, заставляя меня сжимать кулаки и молча негодовать. Я кинула взгляд на Ржанку. Можно было бы вдвоём с Реей ехать на ней...

Но я тут же отказалась от этой мысли. Лошадь и так с двойной поклажей, уставшая от бешеной скачки за Реей, сейчас она этого точно не выдержит. А если и выдержит, то не сможет дать нужной скорости. Пришлось смириться.

Я вскочила в седло и направила лошадь вслед за гнедым жеребцом. Меня плотным кольцом окружали воины, словно ждали, что я попытаюсь сбежать, оставив сестру. Они негромко переговаривались. Я прислушивалась, но ничего полезного не улавливала, лишь обрывки фраз то о какой-то Марфине, у которой вонючие ноги, то о том, что кашевар вечно переваривает мясо, отчего оно жёсткое, что твоя подмётка.

Вскоре стало ясно, что мы направляемся в лагерь Гардов. Я не удивилась, было бы странно ожидать другого. Здесь, где граница между землями Сенмайеров и Гардов обозначена лишь на карте, никто не помешает Эйлеру шастать, как волк, ищущий поживы. И... что он собирается делать с нами? Вряд ли убьёт, хоть мы и враги, а мирный договор ещё не заключён. Но будет ли он теперь вообще заключаться? Зачем это Эйлеру, если необходимое – заложницы – уже у него, да и в двойном размере?

Теперь он может плевать на все договоры и все старания отца выторговать условия помягче. Шантажируя нашими жизнями, просто заставит сдаться, признать его власть. Может, даже потребует, чтобы отец убил себя или постригся в монахи.

Мрачные мысли не оставляли меня.

Целью нашего пути и впрямь оказался лагерь Гардов – и меня прилично раздосадовало то, что разбит он был словно по линейке, выглядел опрятно, никто не валялся пьяным, а, напротив, на всех нужных местах стояли посты и исправно козыряли, увидев нашу процессию.

Я недобро прищурилась.

Смотри-ка, держит людей в полной боевой готовности.

Ещё один камешек на чашу весов, свидетельствующий о том, что его настоящие намерения могут быть совсем не такими мирными.

Едущий впереди Эйлер не подозревал, о чём я думаю. И не чувствовал мой взгляд, буравящий его спину – если и чувствовал, этого не показывал. Хотя, наверное, болтовня Реи не давала ему сосредоточиться. Даже мне было слышно, как многословно она повествовала о том, что пережила на болоте.

Спешили мы у входа в самую большую палатку. Вне всяких сомнений, она принадлежала главнокомандующему. Развешающиеся у входа штандарты Гардов – в том числе красный медведь самого Эйлера, размеры, богато украшенный вход – всё говорило об этом.

На душе у меня поселилась тяжесть. Смертельно не хотелось заходить, тянуло повернуть лошадь, ударить каблуками по бокам и умчаться куда глаза глядят. Подальше от Эйлера, подальше от Гардов и их людей, подальше... подальше и от Сенмайеров тоже.

А что, поселюсь в лесу, буду жить чем стихия пошлёт – с моим даром не пропаду. И пусть Рея выскакивает замуж за Эйлера, пусть рождает ему сколько угодно детей – совет им да любовь.

Я угрюмо прошла в палатку вслед за объектами моих мыслей. Воины за нами не последовали, занялись лошадьми.

Внутри было темно, но Эйлер взмахнул рукой, и расставленные в изобилии тут и там магические свечи разом вспыхнули.

– О-о-о!.. – услышала я очередной восторженный возглас Реи.

Что ж, этого не отнимешь, устроился Эйлер с удобствами. Я даже почувствовала себя неуютно – вся в болотной грязи, в смраде, изляпанная с ног до головы. Наши с Реей чёрные следы красовались на багряных исфийских коврах, как пятна проказы.

Ширма – видимо, там постель. Низкий столик, переносной магический очаг. Кресел нет – вернее есть, но тоже исфийские, низкие, без ножек, специально для того, чтобы сидеть на коврах, полулёжа. Тускловатый блеск золотых чаш, золотая же отделка столика, картина тушью

на ширме – богато, гис бы его побрал, но довольно ненавязчиво. В такой палатке, наверное, приятно отдыхать.

Вот только вся эта исфийская атмосфера меня пугала. Сразу на ум пришли гаремы и наложницы.

Для чего Эйлер притащил нас именно сюда? Он же не собирается...

Хотя для этого мы с Реей слишком грязные.

Обрывая мои несущиеся по кругу мысли, Эйлер сказал:

– Устраивайтесь, я распоряжусь, чтобы о вас позаботились.

– Спасибо, вы так любезны! – тут же отозвалась Рея.

Я ничего не ответила, хотя Эйлер смотрел на меня. Прошёл рядом, чуть не задевая краем одежд. Я хотела было отшатнуться, но не успела – он уже вышел наружу.

Я так давно его не видела.

Это знакомое ощущение неуютности в его присутствии. Он убийца моего брата и мой враг, но я помню то время, когда всё было иначе. И взгляд тоже вызывает неуютность. Он какой-то... слишком пристальный, слишком жаркий, как будто требует чего-то. Под этим взглядом тянет потупиться.

Я раздражённо помотала головой. Бросила взгляд мельком на Рею, которая бродила по коврам, не слишком заботясь следами, что оставляла. Протягивала руку к золотым чашам, рассматривала рисунок на ширме, делая восхищённые комментарии. Я позавидовала её беззаботности.

Пожалуй, отсюда удрать будет посложнее, чем из родного замка. Там я знала каждый закоулок, каждый проход, знала, где когда сменяются караулы, как можно пробраться незаметно. Здесь всё иначе.

И у меня нет времени на то, чтобы досконально изучать здесь всё. Эйлер может в любой момент приказать сниматься с места. Если нас увезут в замок Гардов, побег будет почти невозможен.

Гис, если бы не Рейтинна. Её присутствие усложняет всё в тысячу раз. Можно попросить землю создать ход – но смогу ли я упросить сестру не поднимать шум? Особенно после того, как мы попали в такую передрагу на болоте. Да Рея теперь будет опасаться и нос сунуть за пределы охраняемой территории.

Сейчас же сестра выглядела совершенно спокойной и даже довольной.

– Просим прощения, – пропели женские голоса где-то снаружи, совсем рядом.

Одновременно с этим завес палатки приподнялся, и внутрь скользнули одна за другой четыре фигуры. В просторной палатке сразу показалось тесно.

– Просим прощения за беспокойство. Господин приказал помочь вам привести себя в порядок, – кланяясь, сообщила одна из женщин.

Все они были одеты чисто и чем-то похоже. Длинные юбки, фартуки, опрятные кофточки с засученными рукавами. На головах платки, но у пары девушек из-под платков выбивались кудри, у одной тугие коричневые, у второй светлые, почти как у Реи. По виду эти двое были примерно мои ровесницы, может, чуть старше. Другие две женщины выглядели лет на тридцать.

Я уставилась на них с подозрением. Прислужницы, конечно. Но только ли прислужницы? Судя по тому, что я слышала об Эйлере, те две, что помоложе, вполне могут скрашивать ему не только дни, но и ночи.

Пока я размышляла, женщины развили бурную деятельность. Нас с Реей препроводили за ширму, где обнаружилась поставленная стоймя широкая бадья. Её перевернули горизонтально, перетащили поближе магический очаг, откуда-то натаскали горячую воду – и буквально через четверть часа нас с сестрой сноровисто раздели и запихнули в эту воду отмывать.

Только очутившись в этой бадье, почти полностью обнажённой – тонкая липнущая к телу сорочка, намокнув от воды, не скрывала ничего, – я сообразила, в каком деликатном положении нахожусь. Принимать ванну в палатке Эйлера Гарда! О боги. Узнай об этом хоть кто-нибудь, и я никогда не выйду замуж.

Или Эйлер того и добивается? Хочет погубить нашу с Рейтинной репутацию заранее, ещё не прикоснувшись и пальцем?

Но мытьё шло своим ходом, Эйлер не появлялся, и я понемногу успокоилась, отдаваясь умелым рукам.

Женщины действовали сноровисто и аккуратно. Промыли мои и Рейтинны волосы (я так и не осмелилась отрезать косу, было страшно заявиться в таком виде к Ланвейсам), размяли уставшие плечи и спину, вычистили грязь из-под ногтей. После всех этих безумных скачек, сражений, ночёвок в лесу, горячая вода и нежные руки служанок погрузили меня в настоящее блаженство.

Несколько раз меняли воду, и когда сделали это последний раз, то добавили какой-то молочно-белый порошок, давший приятный запах и блаженное чувство расслабленности во всём теле. Я полулежала, откинувшись на край бадьи, и через полужакрытые глаза наблюдала за девушками, разминавшими Рею.

Симпатичные и молодые. Вполне могут греть Эйлеру постель.

Может, одна из них та Марфина с вонючими ногами, о которой говорили воины.

Мысль заставила меня усмехнуться. Но почему-то осознание этого было неуютным.

Даже если не одна из этих четверых – есть в лагере и другие женщины. Может быть, даже куртизанки. Ходил слух, что Эйлера одно время сопровождала одна женщина из столицы. Но не вынесла военных тягот и удрала обратно.

Настроение испортилось.

Снаружи раздался голос Эйлера. Он произвёл на меня эффект разорвавшегося у самых ног ядра. Накатывающая дрёма слетела в то же мгновение. Не хочу, чтобы он входил сюда!

Но он вошёл.

Я сжалась в комочек – да и Рейтинна испуганно притихла. В каком бы восторге она от Эйлера ни была, вторжение посреди омовения к девушкам дворянской крови – это было неслыханно.

К счастью, Эйлер остановился у самого входа. Из-за ширмы он не мог нас видеть, но голос его я слышала прекрасно:

– Рисанна, нам нужно поговорить.

Глава 7

Я вздрогнула, мгновенно ожесточаясь. О чём нам разговаривать? Уверена, ни о чём хорошем.

Но Эйлеру не требовалось моё согласие.

– Я приду, когда вы закончите. Будь готова.

Боги, как зловеще это прозвучало. Даже Рея одарила меня обеспокоенным взглядом.

Эйлер вышел, а я обхватила себя за плечи, глубже погружаясь в горячую воду. Будь готова! В свете этих слов внезапное мытьё приняло вдруг совершенно определённое значение.

– Он хочет попросить твоей руки! – выдала вдруг Рея.

Её глаза засияли, она молитвенно сложила ладони у груди. Я ничего не ответила. Придумала себе объяснение, называется.

Да он уже это сделал. Вернее, не попросил, а потребовал моей руки – отец не в том положении, чтобы ему отказать. И в этом нет ни толики романтических чувств, тополиным пухом забивших головку моей дурочки-сестры. Один голый расчёт и политика.

– Пожалуйста, госпожа, – одна из женщин подавала мне огромное пушистое полотенце.

Я нехотя встала, вышла из бадьи и позволила закутать себя. Сзади раздавался плеск воды и шорохи – другие две служанки занимались Реей.

Сняв с меня сорочку, женщины насухо вытерли тело и поднесли сухую одежду. Я напряглась: не хотелось надевать неизвестно чьё платье и бельё. Заметив мой взгляд, одна из женщин успокаивающе сообщила:

– Лорд покупал это у купцов, в подарок домашним. Всё чистое, свежее, никто не носил это до вас.

Домашним? Скорее, своей любовнице, разве нет? Сестёр у Эйлера не было, насколько мне помнилось.

Впрочем, в моём положении выбирать не приходится. Не идти же на встречу к Эйлеру голой.

Я кивнула, сделав вид, будто вовсе не интересовалась ни одеждой, ни тем, кому она предназначалась. Позволила одеть себя, послушно просовывая руки в рукава.

Платье оказалось тоже исфийское – пояс затягивался под самой грудью, по бокам были разрезы, а вниз надевались лёгкие шёлковые штаны. Красивое, богатое, серебряная вышивка по тёмно-алой ткани. Цвета не совсем мои, но сочные и яркие, этого не отнять.

Рею одели в похожем стиле, разве что ей всё было велико. Тёмно-синее платье с золотой отделкой явно провисало в груди, да и по плечам не подходило. Не обращая на это внимания, Рея крутилась перед маленьким круглым зеркалом на серебряной подставке – небось, Эйлер использовал его для бритья, – пытаясь разглядеть себя всю.

– Так необычно, смотри, Реса! – она высовывала из разрезов платья то одну, то другую ногу.

Я бездумно кивнула. Красивые платья – это, конечно, хорошо, но намерения Эйлера меня волновали куда сильнее.

Служанка повесила мне на плечи полотенце и аккуратными нежными движениями стала высушивать пряди. На половине дела вход в палатку снова раскрылся, и на пороге появился Эйлер. Окинул меня напряжённым взглядом. Внутри у меня всё невольно похолодело.

– Спасибо, пока хватит, – сказала я служанке, не отводя глаз от Эйлера.

Почему-то мне казалось, что стоит отвернуться или потупить, как это станет началом заведомо проигрышной схватки.

Служанка вместо полотенца накрыла мне плечи шалью, чтобы не до конца просохшие волосы не намочили одежду. Я подошла к Эйлеру и остановилась в нескольких шагах.

– Идём, – он повернулся, придерживая для меня полог палатки, и я, стараясь не коснуться Эйлера ни кончиком рукава, проскользнула мимо.

Недалеко: он почти сразу перехватил меня за руку.

– Сюда.

Я вздрогнула от неожиданного прикосновения. Мгновенно взбурлили эмоции: да как он смеет? Уже считает себя моим женихом?

Кроме возмущения была и злость на себя. На то, что это возмутительное прикосновение прогнало горячую волну по телу, за то, что там, где он коснулся, жгло как огнём. На эту хозяйскую хватку, эту шершавость мужской ладони, привыкшей управляться и с женщинами, и с оружием. На понимание, что он может обхватить пальцами моё предплечье, сломать его, как соломинку. Понимание, что я в его власти – как враг, как пленница, как беззащитная перед мужчиной женщина.

Слава Матери, наваждение быстро прошло. Эйлер втолкнул меня в соседнюю палатку – куда меньше размером и беднее убранную. Вернее, тут вообще не было особого убранства: крепкий высокий стол с бумагами, два комода, несколько стульев. Кажется, здесь Эйлер устроил свой кабинет.

– Садись.

Он отпустил меня, и я последовала приказу. Демонстративно потёрла то место, которого он касался. Хотела, чтобы он знал, что мне неприятно.

– Что вы делали там, на болоте Мёртвых?

– Хотели с утра прогуляться. Лошадь сестры понесла, я погналась за ней. Так и очутились.

– Далековато для прогулки, нет?

Я дёрнула плечом. Он остановился сзади. Спинка стула скрипнула, когда на неё легли тяжёлые ладони. От тепла мощного тела сзади мне захотелось отстраниться.

– Ты хотела сбежать от меня? Как по-идиотски – вдвоём, две девицы. Ты хотя бы подумала головой, что было бы, не услышь наш объезд вопли эмергов? Ты вообще понимаешь, что мы успели только чудом?

Я вскочила, развернулась, меряя Эйлера гневным взглядом. Я даже не знала, что злит меня сильнее: то, что он, не разбираясь, обвинил во всём меня, или то, что вообще посмел упрекать в чём-то.

– Не твоё дело!

Он некоторое время смотрел на меня, сузив глаза, но, слава Великой Матери, продолжать с обвинениями не стал. Вместо этого сказал тоном спокойнее:

– Я так и предполагал, что ты захочешь сбежать. Надеюсь, это твоё единоличное решение, или старый Сенмайер поддержал?

Я промолчала. Наверное, стоило защитить отца, вдруг Эйлер теперь захочет предъявить ему претензии, но ничего говорить не хотелось. К тому же, Эйлер всё равно предъявит претензии, стоит ему только пожелать. Он хозяин положения.

– Возможно, тебя утешит, что до Ланвейсов ты всё равно бы не добралась. И до Форкардов тоже. И там, и там ждут мои люди.

Я задохнулась от злости и бессилия. Предугадал... насквозь увидел мои намерения. Хотя выбор был небольшой. Может, блефует? Нельзя ведь перекрыть все дороги. Но одного того, что он угадал, куда я хотела направиться, хватило, чтобы я почувствовала себя словно вывернутой наизнанку.

Откуда он вообще знает про Ланвейсов? С Мейтином я познакомилась два года назад, с Эйлером мы уже давно не общались.

– Садись, – он кивнул на стул. Обошёл стол и сел с другой стороны. – Поговорим спокойно.

Я осталась стоять, сжимая кулаки. Кровь бурлила, хотелось жалить его словами, припомнить все его прегрешения. Спросить, не являются ли ему по ночам призраки бывших друзей, которых он убил – жестоко и безжалостно. Или его самообладания и красноречия хватает только на меня, а Ральда он боялся? Боялся так, что решил не только убить, но и осквернить его тело, обречь душу на вечные скитания?

– Что ты сделал с сердцем Ральда? – выпалила я. – Почему ты поступил с ним так жестоко?!

Большая Мать, я вовсе не хотела задавать этот вопрос. Он выскочил сам, на волне яростного негодования.

– На это были причины.

Эйлер сказал это внешне спокойно, но я видела, как шевельнулись желваки на лице, а в глазах вспыхнул огонь.

– Отдай мне его!

Он покачал головой:

– Оно сожжено.

Я пошатнулась. Такого я не ожидала. Почему-то была уверена, что хоть Эйлер и вырезал у Ральда сердце, но всё равно сохранил его. Ведь пока сердце существует, можно провести нужные обряды – и душа найдёт покой. А так мы не сможем даже воздать Ральду посмертные почести. Он никогда не присоединится к душам наших предков. Эйлер не просто убил его – он сделал так, будто Ральд никогда не существовал на свете.

Мне захотелось заплакать. Накатила слабость. Мой бедный брат, разве он заслужил это? Как же сильно нужно ненавидеть человека, чтобы не только убить его беззащитным, но и обратиться так с его душой.

Я пересилила себя, вздёргнула голову и с прямым взглядом сказала:

– Я никогда тебе этого не прощу.

Слова упали между нами. Некоторое время Эйлер просто молча смотрел на меня. Мне показалось, что я смогла его задеть, но в следующий миг он усмехнулся:

– С чего ты взяла, что мне нужно твоё прощение?

– О, что ты, я вовсе так не думаю, – холодным голосом ответила я. – Просто предупреждаю, что что бы ты ни сделал, я до конца своих дней буду ненавидеть тебя и проклинать. Буду молиться всем богам о твоей смерти, и о том, чтобы твоя душа так же не нашла покоя, как душа Ральда, которого ты убил. Пусть я сама сейчас и не могу тебе отомстить, я верю, что придёт миг, когда ты пожалеешь даже о том, что родился.

Эйлер выслушал эту тираду молча, не моргнув глазом. Но судя по тому, как сузились чёрные глаза и дёрнулся кадык на широкой шее, я решила, что внутри у него далеко от спокойствия. Сама же я дрожала от злости. Хотелось визжать, выцарапать этому каменному истукану глаза, сделать ему так же больно, как было больно сейчас мне.

Ну же, давай, поддавайся, мысленно кричала я ему. Начни орать на меня или оправдываться, или хотя бы просто обвини во всяком вздоре. Мне хотелось этого. Это означало бы, что мои слова не оставили его равнодушным.

Но когда он поднялся – на полторы головы выше меня, крепкий, сильный мужчина – я с огромным трудом заставила себя остаться на месте и только выше вздёргнула подбородок.

Попробуй, ударь меня! Покажи, что ты ещё хуже, чем я о тебе думаю!

– Кажется, ты сейчас не готова разговаривать нормально, – проронил Эйлер, не глядя на меня. Так же не глядя, прошёл мимо и вышел из палатки. Снаружи послышался его звучный голос, приказывавший подать коня.

Я осталась одна, дрожащая и ошеломлённая. Вот так просто взял и ушёл? Скотина!

Потом нахлынуло осознание – а вместе с ним и страх.

Мать всегда говорила, что я чересчур откровенна, что на уме, то и на языке, болтаю, не думая о последствиях. Вот и сейчас – даже в голову не пришло, что мы с Рейтинной посреди вражеского лагеря, в полной власти Эйлера. Захоти он – может и к позорному столбу поставить, и плетями отхлестать. То, что он до сих пор этого не сделал, может значить только, что время ещё не настало.

Я присела на краешек стула. Глубоко вздохнула, пытаюсь успокоиться. Что ж, уже брошенные в лицо слова обратно не заберёшь – да и не хотелось. Если Эйлер станет мстить – так же низко и подло, как он поступил с братом, – остаётся лишь вытерпеть это с высоко поднятой головой.

Мне недолго позволили предаваться размышлениям. Уже через несколько минут за мной пришёл незнакомый воин и проводил обратно в палатку, где ждала Рея. Неохотно отделяясь от обрушившегося на меня шквала вопросов, я бессильно упала на мягкий ковёр. Сначала просто лежала, а потом навалилась усталость – и я сама не заметила, как задремала.

Когда меня разбудили, на столе уже ждал завтрак. Или, судя по времени, это был скорее обед?

Эйлер выделился даже тут: это была далеко не та простая пища, которую можно ожидать в боевом лагере. Тут была и камбала, и огромные жаренные в масле омары, явно доставленные издалека и сохранённые магией, множество овощей, а на десерт – сладкая дыня. Рея уплетала за обе щёки, а я жевала, не особенно ощущая вкус.

Интересно, это всё нарочно?

Такое чувство, будто у Эйлера денег куры не клюют. Или он намеренно пытается показаться богаче, чем есть? Ведь если у лорда хватает золота на богатое убранство и роскошную пищу, значит, и на военные нужды хватает с лихвой. А значит, вся эта показуха преследует ещё одну цель: показывает, что с Гардами не стоит связываться.

Что ж, мне от этого ни жарко и ни холодно.

Куда больше меня волновала мысль, куда Эйлер пропал и что собирается с нами делать.

Ответ на оба вопроса я получила буквально через полчаса. В палатку проскользнула одна из служанок и, поклонившись, произнесла:

– Лорд просил уважаемых госпож одеться для верховой езды и выйти наружу.

Мы с Рейтинной переглянулись.

– Поедем в замок к лорду Гарду? – неуверенно спросила сестра. Спросила почему-то у меня.

Я только пожала плечами. В замок Гардов, в какой-нибудь другой, на невольничий рынок в ту же Исфию – куда бы Эйлеру ни вздумалось нас отправить, воспротивиться мы не сможем. Жаль только, что он решил действовать так быстро. Я надеялась, мы пробудем в лагере ещё хотя бы пару дней – тогда я обязательно попыталась бы сбежать.

А может, он об этом догадывался, поэтому и решил не давать мне времени?

Сердце ёкнуло, стоило вспомнить его усмешку и презрение в голосе, когда он говорил о том, что я непременно отправлюсь к Ланвейсам. Кстати, уж не Эйлера ли заслуга в том, что семья моего жениха не отозвалась на наш призыв о помощи? С него станется...

Осёдланные лошади нас уже ждали. Для меня была приготовлена Ржанка, для Реи – смиренная на вид кобылка песочной масти. Я с облегчением увидела на боках у Ржанки свои же сумки. Очень хотелось проверить, всё ли на месте, особенно тот мешочек, что Ральд прятал в тайнике, но я переборолась себя. Сделаю это, когда меня оставят одну.

Если меня оставят одну.

Пока что такой роскоши никто мне предоставлять не собирался. Вокруг нас сформировался небольшой отряд – человек пять, включая самого Эйлера. Я немного опасалась встречи с ним после нашего бурного разговора, но он не сказал мне ни слова, и вообще не смотрел на меня.

Мы выехали из лагеря под приветственные взмахи и крики. Ещё одно набившее оскомину доказательство, что Эйлер заботится о своих людях: так не провожают вождей, которых боятся или ненавидят.

Хоть перед Реей – и Эйлером – я пыталась казаться невозмутимой, внутри бесновалась тревога.

Замок Гардов... на каких правах мы там окажемся? Пленницы? Заложницы? Инструменты давления на отца? В какой темнице нас собираются держать? Или запрут в покоях побогаче? Или...

Я украдкой бросила взгляд на Эйлера и помрачнела. Отдалённый замок, где Эйлер поселит нас с Реей в разных концах и будет навещать, пока одна из нас не забеременеет. Или обе сразу – больше не меньше. Такие истории тоже случались, когда в дело замешано наследство

Я сама слышала, как единственную дочь графа Инранского похитили и полтора года держали взаперти, пока она не разродилась крепким младенцем. Тогда её отцу пришлось скрепя сердце выдать дочь замуж за похитителя. Хорошо это не закончилось – через полгода счастливая новобрачная сломала шею на крутых ступеньках нового дома, а после неё умер от горя и старый отец. Замок отошёл в наследство едва начавшему ползать карапузу – вместе с окружающими землями и титулом.

Не помню, что случилось с ним дальше. Ни с замком, ни с карапузом. Да и сомневаюсь, что прежнего графа Инранского прикончило именно горе, а не чей-то умелый кинжал.

Нам с Реей может быть заготовлена та же судьба. А ещё Эйлер может нас... продать. Не на невольничьем рынке в Исфии, естественно – а куда-нибудь поближе. Тем же Варфейрам, с которым у Гардов союз, ещё какому-нибудь клану. А сам останется чистеньким – и в глазах моего отца в том числе. Никто же не знает, что мы ухитрились попасть в плен именно к Эйлеру. И если нас заставить молчать – то и не узнает.

Я слышала от Ральда о разных заклинаниях и даже зельях, с помощью которых можно не только полностью лишить девушку силы воли, но даже и запретить разговаривать. Или велеть говорить только то, что нужно. И будет Рисанна Сенмайер ходить брюхатая, и даже при встрече с собственным отцом только тихим голосом твердить, что её всё устраивает.

Меня передёрнуло. Я бросила взгляд по сторонам – а вдруг всё же удастся сбежать? Чем дальше мы удаляемся от земель Сенмайеров, тем меньше шанс. А сейчас я вполне отдохнула, и Эйлер – треклятый Эйлер – пока не подозревает, на что я способна.

Я могу заставить лошадей споткнуться, деревья и кусты – встать плотной стеной, не пропуская погоню, заставить выступить на поверхность камни. Всё это дарит неплохой шанс уйти. Правда, я открою перед Эйлером свою магию, и он может понять, что тогда на Эмеранском холме это была именно я...

Что ж, может, это сподвигнет его просто убить меня, а не обрекать на участь, которая куда хуже и унизительнее смерти.

Вот только Рея... оставить её в руках Гардов я не могу, но сообразит ли она вовремя броситься за мной?

Наверное, я бы рискнула, чересчур многое было поставлено на карту – но тут я обратила внимание на окрестности.

Дорога, по которой мы ехали, была мне знакома. Широкая колея, тенистые деревья по обеим сторонам, утоптанная копытами лошадей и колёсами телег почва. Та самая дорога от замка Сенмайер к замку Гардов, в былые времена мы чуть ли не каждый день тут скакали. Вон даже тот дуб в три охвата, на коре у которого вырезаны наши имена.

Конечно, если Эйлер везёт нас к себе, то ничего странного здесь нет. Это самый близкий и прямой путь.

Вот только... мы ехали в сторону замка Сенмайер!

В голове у меня взвилась метель растерянных мыслей. Что происходит? Может, я ошибаюсь? Зачем бы Гардам везти нас домой? Или ошибается Эйлер? Да нет, не может быть, он не настолько глуп, чтобы перепутать дорогу.

Через несколько минут мы выехали напрямик к нашей заставе, и тут уж сомнений не осталось. Я видела, как забежали воины наверху, как насторожились, увидев так близко флаги Гардов.

Эйлер тронул коня каблуками, выезжая вперёд, и закричал звучным голосом:

– Я Эйлер Гард! Прошу начальника заставы спуститься на пару слов.

Нашими воинами овладела явная растерянность. Недавние враги – и так близко, перед нашими воротами. Но отряд Эйлера не походил на попытку напасть. Некоторое время заставка просто бестолково гудела, потом с той стороны зашевелились, послышались отрывистые приказы, и в воротах, сделанных из массивных неотёсанных брёвен, открылось небольшое окошечко.

Гард направил коня к воротам и начал о чём-то переговариваться. О чём – слышно не было. Тут окошко открылось пошире, и из него выглянуло усатое лицо. Я узнала этого человека – его звали Боровиль, он был в чине майора, если мне не изменяла память. Видимо, он и был сейчас начальником заставы.

Майор недоверчиво уставился прямо на нас с Рейтинной, и недоверчивость сменилась ошеломлением, а челюсть в буквальном смысле слова отпала.

Ещё бы – мало того, что девицы Сенмайер, которым положено бы сидеть в замке, под защитой каменных стен, как ни в чём не бывало появляются со стороны чужих земель, так ещё и шествуют в окружении вчерашних врагов. Вот так подарок прибыл на заставу!

Промедление было недолгим. Ещё несколько слов, немного времени, негромкие команды – и ворота поползли в стороны. Эйлер вернулся во главу отряда, и мы медленно тронулись с места.

Воины отдавали нам честь, приветственно кричали девиз Сенмайеров: «Крепче камня!» – и вообще встречали нас с неожиданной радостью. Их как будто перестало заботить, что сопровождают нас Гарды, противники в недавней войне – и мирный договор ещё не подписан.

Когда я проезжала мимо, то встретила взглядом с каким-то молодым солдатом. Тот восхищённо улыбался, всю уставившись на меня, так что даже копье, которое он держал, покосилось и чуть не упало. Парень принялся его ловить, а товарищи – громко хохотать и хлопать того по плечу.

Я тоже невольно улыбнулась – и тут неожиданно рядом раздался холодный голос Эйлера:

– Знали бы они, что их принцесса бродит одна по лесам, в мужском костюме, а потом принимает ванну в моей палатке.

Я вспыхнула, метнула на него яростный взгляд:

– Уверена, и тогда бы они не переменили своего ко мне отношения. Честь не порочится от того, что попадаешь в безвыходное положение.

– Тебе ли говорить о чести! – бросил Эйлер и стегнул коня.

Гнедой мгновенно оказался далеко впереди, а я осталась одна, закипать от негодования. Что с этим гисовым Гардом? Я что, давала ему повод? Или он всерьёз считает, что то, что мы воспользовались его ванной, делает из нас девиц лёгкого поведения? Мало того, его негромкую реплику явно слышали наши сопровождающие: меня кольнули полные любопытства взгляды.

Гис его побери, да его слова прозвучали так, как будто я чуть ли не спала с ним! Или он нарочно пытается разрушить мою репутацию?

Я мотнула головой. Как бы то ни было, я не понимала, зачем он вообще везёт нас к замку Сенмайер. Какая у него цель? Разведка? Какой-то зловещий план? Хотят взять замок штурмом? Нет, всё это глупо. Замок не возьмёшь горсткой людей, пусть даже все они блестящие

воины. И дело не в разведке: не обязательно проезжать через заставу, если хочешь пошпионить, проберись тайком по лесу и шпионь сколько влезет.

Везти нас ради шантажа? Показать отцу и забрать в замок Гардов? Тоже глупо – разве ему дадут это сделать? Не в самом центре наших земель.

Я приободрилась. Если так подумать, вообще-то это Эйлер скорее суёт голову в пасть льву. Льву стареющему, потерявшему почти все свои зубы, но всё равно остающемуся хищником. Здесь, на наших территориях, нам вряд ли что-то грозит. Тогда можно расслабиться и понять, чего он хочет.

Над макушками деревьев выплыли вершины замка. Я невольно залюбовалась: высокие, стремящиеся к небу башни – Большая и Малая Сёстры, крыша, выложенная коричневой черепицей, белые с голубым флаги Сенмайеров, грозно развевающиеся на башнях и стенах. До боли знакомый силуэт – пусть и одряхлевший с веками, пусть далеко не такая отполированная донельзя конфетка, как, скажем, выстроенный пару десятков лет замок тех же Ланвейсов – но родной.

Сколько времени мы с Ральдом провели в этих башнях, хоть нам и запрещали туда ходить – и лестницы, и перекрытия там совсем прохудились, можно было с лёгкостью сломать себе шею. Нас это не останавливало. Скорее даже наоборот – привлекало.

Зато благодаря этому у нас всегда было убежище от Ральдового гувернера, илирмы Готтон и других надоедливых слуг. И Рейтинны, увязывавшейся за нами с упорством дворняжей шавки.

Чугунная решётка замковых ворот была уже поднята – не иначе, майор Боревиль отправил тайным путём какого-то гонца. Я невольно поёжилась при мысли об отце: вряд ли нас ждёт радушный приём.

Копыта лошадей зацокали по каменному мосту, переброшенному через старый ров с мутной от ряски водой – мы въехали внутрь. Здесь меня снова охватили подозрения: может, Эйлер хочет изучить, насколько хорошо замок укреплён? Ох, боюсь, наблюдения его только обрадуют, здесь мало что изменилось с тех пор, когда он бывал у нас в гостях на правах доброго соседа.

Отца я увидела издалека. Он стоял у входа, окружённый всего двумя воинами. Высокий, прямой, как палка, старый – морщины усеивали нахмуренное лицо. Я неожиданно подумала, что ему уже под пятьдесят лет – и Ральд был его единственным сыном. Как отец ни пытался казаться бодрым, эта потеря на нём тяжело сказалась. На всех нас.

Эта мысль вызвала новый прилив ненависти к Эйлеру. К этому самому Эйлеру, что лишил отца единственного сына, меня – единственного брата, а теперь, как ни в чём не бывало, сделав невозмутимое лицо, привозит меня к порогу дома, как будто ему поручили опекать меня. Даже более того – как будто он уже признанный всеми мой жених.

Злость подтолкнула меня вырваться вперёд. Лошадь с лёгким ржанием подскакала к отцу, я спрыгнула, смело взглянула ему в лицо.

– Прости... – и не успела продолжить – пощёчина обожгла кожу.

Я замерла на месте, не в состоянии поверить, что это действительно случилось.

Он никогда меня не бил.

– Как ты смела? – проскрежетал отец. – Как ты смела удрать из замка, утащить с собой Рейтинну, шляться неизвестно где? Ты дочь графа или разбойничья шваль? Я смотрел сквозь пальцы, пока ты шлялась невесть где с Ральдом, полагал, что он сумеет оградить твою честь. Но одна? Какой неслыханный позор! Быть привезённой домой вот так, женщиной!

От боли и неожиданной обиды на глаза навернулись слёзы. Я сморгнула их, сжала зубы. Вот, значит, как? Я могла пользоваться свободой, лишь пока рядом был Ральд? А теперь я не что иное, как вещь, которую можно выгодно продать и которой не позволено иметь собственные желания?

Отец то ли прочёл что-то в моих глазах, то ли просто разозлился – схватил меня за плечо и, кажется, хотел толкнуть вглубь замка. Но почти сразу его руку перехватил Эйлер. Когда только успел подскочить и спешиться?

– Не стоит бить мою невесту, – раздался холодный голос над моей головой.

Я снова вспыхнула от непререкаемой уверенности, прозвучавшей в этих словах.

Пусть даже Эйлер при этом заступался за меня, мне это не понравилось. Это звучало так, словно он беспокоился, что ему попортят дорогостоящие ковры. Я не его принадлежность, чтобы он решал, как поступать со мной.

Невеста! Да как он смеет так меня называть? Он отлично знает, что я не давала своего согласия. Или как раз поэтому? Нравится выводить меня из себя?

Отец, напротив, явно обрадовался. Лицо разгладилось, и мне показалось, что он облегчённо вздохнул.

– Прошу простить, я немного погорячился. Моя дочь несколько своевольна, и чтобы привести её в себя, порой нет средства лучше, чем лёгкая оплеуха.

– Если её ещё раз ударят или накажут как-то по-другому, пока она будет под вашей крышей, отвечать за это будете вы.

Он угрожает отцу! Гисово порожденье!

Я не могла понять, как относиться к этому. Меня злили уверенность Эйлера, его поведение, и в то же время в глубине души где-то расплывалось тепло от мысли, что меня защищают. И одновременно это ощущение тепла тоже выводило меня из себя – почему я покупаюсь на дешёвые жесты?

А отец побледнел, потом покраснел, дёрнулся кадык. Я видела, как ему тяжело стерпеть этот вызов, как хочется схватить наглого щенка, приказать выдворить отсюда... но мы не могли позволить себе продолжать войну с Гардами.

И отец сдержался, только сказал:

– Ручаюсь, никто не коснётся её и пальцем, – метнул суровый взгляд на меня и прикрикнул: – Иди к себе!

Я повиновалась. Внутри бурлила злость, но я плохо понимала, против кого именно она направлена. Я напоминала себе щепку, которую уносит бурная река. То я негодовала на отца, то на Эйлера, ведущего себя так по-собственнически. То на саму себя, хотя я не могла помешать ни одному, ни другому.

На пути – испуганные взгляды, перешёптывания, прекращавшиеся сразу, как только я проходила мимо. Слуги не знают, что происходит, но чувствуют неладное. Слуги всегда так.

Рея... я с запозданием вспомнила о сестре и поморщилась. Впрочем, ладно, её никто не станет бить. Отец понимает, что без меня ей и в голову не пришло бы ударить.

Я едва успела переодеться, как дверь комнаты без стука растворилась. Вздвогнув, я уставилась в ту сторону. Испугалась, что это снова отец, но на пороге стояла илирма Готтон. Как всегда, тщательно причёсанная, так, что на гладких волосах мышиного цвета играет свет, и так же тщательно одетая – длинный убористый ряд пуговиц, монументальная грудь украшена лишь строгим бантом под самое горлышко, пышная полосатая юбка накрахмалена так, что поставишь её – так и останется стоять на полу.

Камеристка окинула цепким внимательным взглядом меня, комнату, сброшенную одежду – и выразительно скривилась:

– Какой позор!

– Что? – переспросила я, чувствуя, как в груди взвихряются предвестники бури.

– Позор! – повторила илирма Готтом звучным поставленным контральто. – Молодая девица ночью сбегает к мужчине! Возвращается в одежде с чужого плеча! Все ваши предки сейчас сгорают от стыда, глядя на вас!

– А вы откуда знаете, что именно ночью? – тираду, которая должна была заставить меня как минимум почувствовать себя последней блудницей, я пропустила мимо ушей. – А-а! Как всегда, шпионите!

Она задохнулась от ярости. Грудь угрожающе колыхнулась.

– Позвольте отметить, я слежу за вашей нравственностью! Вы в этом нуждаетесь! С малых лет только и знали что пропадать по лесам одна лишь Мать знает с кем!

Я криво усмехнулась. Одна лишь Мать знает кто – это, конечно, Ральд и Эйлер. Илирма Готтон и раньше пыталась сделать из меня благовоспитанную девицу, но мне казалось, мы с Ральдом успешно убедили её в том, что от нас лучше держаться подальше. Но нет – как только Ральда не стало, она тут как тут.

Неужели считает, что теперь нашла на меня управу?

– Я уже и тогда подозревала, что между вами что-то есть, – илирма Готтон брезгливо поджала губы. – Сегодняшняя ваша выходка – прямое тому доказательство. И как не стыдно? Сбегать из замка прямо в объятия любовника! Связаться с убийцей брата!

Я чуть не засмеялась. Как быстро она сложила одно с другим. Небось, заглянула в мою комнату вчера поздно ночью, обнаружила, что меня нет в кровати, и возликовала. Вот откуда отец знает, что я сбежала ещё ночью. Илирма Готтон помчалась напрямик к нему. А там уж выяснилось, что нет и Рейтинны.

Если бы не эта дебелая тётка, возможно, удалось бы обмануть домашних, сказать, что мы выехали сегодня с утра, просто размяться перед молитвой.

И как противно – я и раньше знала, что она постоянно шпионит за нами, но пока что она выдавала свои наблюдения только матери, не мне. А тут, значит, решила, что такое вопиющее нарушение приличий нельзя оставить без лекции именно мне, главной преступнице.

Не тут-то было.

– Что-то у вас все мысли только об одном, – сказала я, вздёрнув брови. – Не потому ли, что у вас самой рыльце в пушку?

– Что?!

Её лицо побледнело, потом побагровело, и я испугалась, что сейчас её хватит удар. Только не в моей комнате!

– Да как ты смеешь, шваль, девчонка! – глаза камеристки налились кровью, выкатились из орбит. Она забыла все манеры, которые так тщательно мне же и прививала. – Розги по тебе плачут! Я сейчас же скажу твоей матери, где ты провела ночь!

Она торжествующим жестом указала на исфийское платье, грудой мятого шёлка лежавшее на кровати.

– Какое позорище! Невенчанной спать с мужчиной!

Ах так? Я почувствовала, как в груди зарождается холодная злость. Что ж, госпожа Готтон, вы меня вынудили.

– Только попробуйте хоть слово брякнуть моей матери, и мне тоже придётся сообщить ей, с кем спите вы!

Кровь мгновенно отхлынула от её лица. Она пошатнулась, поднесла руку к горлу, словно задохнувшись, и замолчала, будто проглотила язык. Вытаращенные глаза теперь смотрели на меня со страхом.

– Что? Вы думали, мы не знаем? Мы с Ральдом знали всё с самого начала. Ещё с первого раза, как вы пыхтели под отцом в вашей комнатухе!

Я передёрнулась, вспомнив ту отвратительную картину. Пышные юбки, распахнутые в стороны жирные голые ляжки илирмы Готтон, а между ними – ритмично движущаяся сухая задница отца. Утробные стоны, какое-то мерзкое чавканье и скрип односпальной кровати старой девы.

– Невенчанной спать с мужчиной – позор? Тогда вам придётся сначала отхлестать розгами себя саму, потому что вы спите не просто с мужчиной, а с мужчиной, женатом на другой!

Камеристка потеряла весь пыл. Рот её разевался и закрывался, как у вытасненной на сушу рыбы. Грудь теперь дрожала, как мясное желе.

– Если у вас ко мне всё, прошу оставить мою комнату, – я указала на выход. – И запомните мои слова.

Она ещё с пару мгновений буравила меня остановившимися глазами, потом кивнула, пролепетала что-то похожее на сумбурные извинения, повернулась и исчезла за дверью.

Я устало выдохнула и опустилась на кровать. Рука случайно коснулась прохладного шёлка, я смяла его, находя в этом странное удовлетворение.

Если я скажу матери, илирма Готтон вылетит из замка сразу же. Думаю, это понимали и я, и она сама. Как ни мягка мама временами, внутри у неё был стальной стержень. Любовницу отца рядом с собой она ни за что не потерпит.

Другое дело, что это почти наверняка разобьёт ей сердце. Поэтому я и молчала до сих пор, и собираюсь молчать впредь, о чём илирма Готтон, слава Матери, не догадывается. Пусть между мамой с отцом нет особенной страсти в отношениях, всё же я знала, что она его любит.

Отец тоже, наверное, любит её... Но мужчины сделаны из другого теста, они могут любить одну, а спать со многими. Так сказал Ральд, когда я рвала и метала, впервые узнав, что у Эйлера появились другие женщины. Правда, брат тут же добавил, что сам он никогда так не поступит, и ему я верила. Он вообще не проявлял особого интереса к этой части жизни – или просто очень тщательно скрывал её от меня.

Снаружи послышались шаги, кто-то позвал меня по имени, а потом дверь снова отворилась. Я напряглась, решив, что илирма Готтон вернулась для второго раунда – но это оказалась не она.

На этот раз меня навестил отец.

Внутри у меня всё замерло – но он выглядел спокойным. Значит, дело не в том, что илирма Готтон побежала ему жаловаться. Видимо, она тоже понимала, что это бессмысленно.

И, видимо, его разговор с Эйлером завершился удачно – удачно для отца.

Некоторое время он молча смотрел на меня, слегка покачиваясь на каблуках. Потом изрёк – и звучало это именно как божественное откровение.

– Готовься, свадьба завтра. И радуйся, дура, что он не отказался от тебя и не взял силой.

Я вспыхнула, мгновенно ожесточаясь. Радоваться? Мне? Это отцу надо радоваться: удачно продал дочь, купец не отказался заплатить за товар, который мог взять бесплатно.

Заметив мою реакцию, отец сказал уже более миролюбиво:

– Прекрати. Когда-то ты была влюблена в него без памяти, разве нет?

– Это было до того, как он убил Ральда.

Отец помрачнел.

– Такова жизнь. Нам нужно радоваться, что мы не потеряли больше. К тому же, Рисанна... – он отошёл, взял стул, сел и серьёзно взглянул на меня. – Есть одна вещь, о которой мне нужно поговорить с тобой. Этот брак... это не жертва, Рисанна. Это возможность.

Я слушала молча, позволяя ему высказаться до конца.

– Этот союз – не навсегда. Ты понимаешь меня? Рано или поздно всё переменится. А если у нас будет верный человек в доме Гардов... ты понимаешь, что это значит?

– Ты хочешь, чтобы я шпионила для вас?

Он кивнул.

Значит, отец только сделал вид, что смирился. На самом деле он затевает что-то против Эйлера. Ну конечно, он всё же понимает, что стоит мне родить ребёнка, как за его жизнь никто не даст и ломаной сенты.

Это меня немного успокоило, настроило быть к отцу помягче. Он не сдался, он так же ненавидит Эйлера, как и я, так же опасается и желает ему смерти. Мы с ним на одной стороне.

– Хорошо, я поняла.

Усталое лицо просветлело, кончики сухих губ приподнялись в неуверенной улыбке. Он встал – я встала тоже – подошёл ко мне и погладил по голове. Такая странная полузабытая ласка.

Щека, обожжённая пощечиной, заныла, напоминая о недавнем. Но сейчас эта боль не вызвала во мне обиды или гнева – только неясную грусть. Отец тоже делает ошибки. Отец не безупречен – как не безупречен никто из нас.

– Держись, девочка. Будь молодцом. Мы, Сенмайеры, не забываем обид. Крепче камня.

– Крепче камня, – шепнула я одними губами.

Отец вышел, не прощаясь.

Что ж, он прав. Это самое малое, что я могу и должна сделать. Раз уж Эйлер решил взять меня в свой дом, нельзя это не использовать. Только надо будет хорошо продумать, как не попасться. Всё же я буду среди врагов, доверять нельзя будет никому...

Против воли я почувствовала возбуждение. Таиться, чтобы ужалить Эйлера в самое сердце, в тот момент, когда он ни за что этого не ожидает. Это будет прекрасная месть.

Глава 8

На следующее утро я была уже не так уверена, что смогу пройти через всё это, сохранив неизблемое спокойствие. Ладно сборы и наряжания... каждый миг приближал момент, когда я стану женой Эйлера.

Женой Эйлера, о боги!..

Служанки придвинули ко мне зеркало и притихли, ожидая реакции. Я встала, расправила складки платья и взглянула себе в лицо.

Да, отражающаяся в отполированном металле девушка была красива. Убранные наверх локоны цвета тёмного золота, нежную шею обнимает жемчужное ожерелье. Лиф обтягивает ткань цвета киновари, тонкая талия, стянутая золотым поясом, из-за пышной юбки кажется ещё тоньше. На лице ни капли злости или волнения, зелёные глаза излучают покой и безмятежность, а уголки губ едва заметно загибаются вверх, словно предстоящее событие приводило меня в восторг.

Эта улыбка напомнила мне Ральда. Точно так же он улыбался, когда задумывал очередную проделку.

Ральд...

Грудь пронзила тупая боль, улыбка стала вымученной. Мы с братом были похожи... куда сильнее, чем мы похожи даже с Рейтинной. Так, словно нас отлили по одному лекалу: оба высокие, изящные, с одинаковым цветом волос и глаз.

Мать рассказывала, как в детстве мы обманывали её, переодеваясь в одежду друг друга. Нам было тогда не больше четырёх-пяти лет. Я смутно помнила об этом, и помнила, что это было очень весело – дурачить её и окружающих. Потом, конечно, когда мы повзрослели, Ральд раздался в плечах, у меня появились женственные изгибы – тут уже нас никто бы не перепутал.

Я поморщилась, невольно потёрла грудь. Тоска была такой сильной, что походила на физическую боль. Ральд всегда был рядом, сколько я себя помнила. Всегда был готов подставить плечо, помочь советом, всегда находил для меня время. Мы вообще редко были порознь.

А сейчас единственное, что у меня от него осталось – это его вещи из домика лесника.

Их, к слову, я вынула из сумки и положила в потайное отделение моей шкатулки с драгоценностями. Ненадёжное место – но умениями Ральда я не обладала и сама зачаровать бы новый тайник не смогла. Пришлось пользоваться тем, что было.

А ведь уже сегодня вечером я окажусь в доме врагов. Каждое моё движение, каждое слово будет сразу известно – значит, нужно быть вдвойне осторожной.

Отец пока так и не сказал, каким образом я должна буду передавать информацию домой. Сказал только, что со мной свяжется человек, которому можно доверять. Кто это, как именно свяжется и когда – оставалось неизвестным.

– Ты очень красива, девочка моя, – в голосе матери звучали грустные нотки.

Она поднялась с софы и встала рядом со мной. На полголовы ниже меня, но почти такая же стройная: ни возраст, ни многочисленные роды не сказались на её фигуре. Только на лице – кожа и потухшие глаза явно говорили, что она уже не девочка. Да и седина, пусть и едва заметная на платиновых волосах, тоже выдавала годы. Хотя... вот эта прядь появилась после смерти Ральда. Здесь нужно винить не годы.

– Стоит подумать, что моя девочка достанется этому мерзавцу... – в унисон моим мыслям лицо матери исказилось тенью ненависти.

О, если в этом доме и есть кто-то, ненавидящий Эйлера больше, чем я, то это, без сомнения, моя мать. Она и прежде-то его недолюбливала, а после того, как он убил Ральда...

Что ж, я не могла её за это ругать.

Мама снова взглянула на меня.

– Береги себя. И вот ещё... – она взяла мою руку, и я почувствовала прикосновение ткани к ладони. Взглянула – это был маленький плоский мешочек с вышитыми обережными символами. Амулет богини Уны, покровительницы брака.

– Зачем это? – я уставилась на мешочек почти с отвращением.

– Так надо, – шепнула мама. – Носи его на шее или на поясе, не снимай ни на день. Он обережёт тебя... – она склонилась к самому моему уху и добавила совсем тихо, на грани слышимости, – от нежелательных последствий.

О! Я взглянула на мешочек по-новому. Конечно, если ребёнок от Эйлера означает отсроченную смерть, нужно сделать всё, чтобы этот ребёнок появился как можно позже. Только мама, сама женщина и жена, могла озаботиться такими вещами. Не удивляюсь, что отцу это и в голову не пришло. Да я и сама ничего не знала о таких амулетах, ни как их делать, ни откуда доставать.

Боги, ребёнок от Эйлера... Неужели мне придётся спать с ним? Хотя о чём я, конечно, придётся.

Уже сегодня ночью.

Ладони похолодели, кожу закололо невидимыми иголочками. Я почувствовала нечто странное, совершенно неуместное – я бы сказала, нечто вроде предвкушения. Почему-то на миг представились чёрные глаза Эйлера совсем близко – пристальные, жадные, вызывающие трепет. Интересно, он будет нежен или жесток?

Тут я вспомнила о том, сколько, по слухам, у него девок, и тут же отрезвела. Захотелось дать себе пощёчину. Как я могла хотя бы на один миг допустить мысль, что близость с ним может быть приятной? Я ненавижу его. Он убил Ральда, убил Морвинуса, сжёг множество наших деревень. Он предал меня, уничтожил возможность Ральда когда-то возродиться, обрёк его душу на забвение. Всё, что ему нужно – это наши земли. Он не поступится ничем, чтобы получить их. И я – только средство.

Мешочек скользнул в ложбинку между грудей так легко, как будто там всегда было его место. Продёрнутая сквозь завязки тонкая золотая цепочка не выделялась среди других цепочек, украшавших мою шею.

– Спасибо, мама, – я нагнулась, целуя её в тёплую щёку.

– Да благословит тебя Великая Мать, – в ответ она осенила меня знамением.

Тут снаружи послышались лёгкие быстрые шаги, и в комнату вбежала служанка.

– Госпожу Рисанну просят пожаловать в часовню! – звонко объявила она.

Вокруг сразу заохали, захлопотали, а я невольно испугалась. Уже? Так быстро? Значит, Эйлер со своими людьми уже в замке? Кровь ускорила свой ток, платье показалось вдруг слишком тесным, спирающим дыхание. Я глубоко вздохнула и выдохнула.

Вперёд, Рисанна Сенмайер. Выше нос. Пусть Эйлер увидит меня во всём блеске, а не растерянной и бледной от волнения.

В часовне царил полумрак, разгоняемый лишь светом тысячи свечных огоньков. Вдали тускло блестели золотые статуи: Великая Мать и её трое учеников, окружившие её, словно защищая. Самые главные, самые преданные: Монах, Воин и Пахарь.

Я медленно шла по проходу, чувствуя взгляды множества людей – часовня была битком набита обитающими в замке – но сама смотрела только вперёд. Туда, где, чуть ярче освещённый, сиял алтарь.

За ним стоял наш старенький седой верховный жрец. Сегодня утром я исповедалась ему и получила благословение. Он долго, заунывно и непонятно рассказывал мне о предстоящей семейной жизни, а особенно о том, что я должна во всём слушаться мужа и ставить его превыше всего. Мне очень хотелось поинтересоваться, должна ли я ставить мужа выше интересов семьи

и знает ли мой отец об этом – но жрец от такого вопроса мог раньше времени отправиться на встречу с богами, так что я промолчала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.